РОВЕСНИК

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Октябрь, 1976 год, № 10

На первой странице обложки: интернациональное самовоспитание для этих двух будущих педагогов — Матиаса Грайхена из ГДР и Геннадия Тарарова из Московского областного пединститута — этим летом проходило в подмосковном студенческом стройотряде.

Перед педагогами стояла достойная задача — построить школу.

Фото Ю. ЕГОРОВА

30 ЛЕТ МЕЖДУНАРОДНОМУ СОЮЗУ СТУДЕНТОВ

— Студенты и разрядка напряженности.

— Студенты и рабочий класс.

— Студенты и демократизация образования.

— Студенты и социалистическое содружество.

БРЮССЕЛЬ. Как указывается в сообщении представителя Европейского экономического сообщества, среди безработных в девяти странах «Общего рынка» молодежь до 25 лет и женщины составляют подавляющее большинство.

НЬЮ-ЙОРК. В этом учебном году 37 общественных школ города останутся запертыми на замок. Они закрыты по решению местных властей, которые таким образом хотят сократить бремя финансовых трудностей, переживаемых этим богатейшим городом США. Протестуя против решения, предполагающего ликвидацию 50 детских учреждений, на улицы вышли родители, школьники, учителя. «Дети не должны страдать от алчности богачей!», «Не закрывайте нашу школу!» — такие лозунги пронесли по Нью-Йорку десять тысяч манифестантов. Не избежал финансовых потрясений и университет, крупнейшее высшее учебное заведение города. В самый разгар весенней сессии студенты не знали, будут ли они сдавать экзамены. Университет на полмесяца закрыли. В конце концов было найдено следующее решение — экзамены принять, а со следующего, 1976/77 учебного года плату за обучение увеличить в семь-девять раз.

На снимке: эти ребята тоже протестуют. «Спасите нашу 122-ю школу!» — написано на плакате.

БОНН. Выступая по проблемам реформы системы образования, министр просвещения ФРГ Гельмут Роде признал практически невозможным для детей рабочих получить в этой стране полное среднее и высшее образование. Он, в частности, привел такие данные: если начальную школу посещают 84 процента детей, отцы и матери которых заняты на фабриках и заводах, то в реальные училища ходят только 12 процентов, а в гимназии — 4. Об университетах министр предпочел не упоминать вовсе.

СТРАСБУРГ. С целью привлечь внимание мировой общественности к усиливающемуся в ФРГ преследованию по политическим мотивам на основании так называемого «постановления о радикальных элементах» группа молодых учителей — членов Германской коммунистической партии приняла участие в прошедшей в этом французском городе международной манифестации, которая была организована в знак солидарности и поддержки с борьбой прогрессивных сил за право всех демократов ФРГ на работу по специальности. На состоявшемся после манифестации митинге был оглашен такой факт — только в прошлом году в ФРГ на государственной службе официально состояли 611 членов правоэкстремистских организаций.

На снимке: в колоннах демонстрантов.

ПАРИЖ. Только 497 из 1187 молодых учителей физкультуры приступили в этом году во Франции к работе в школах после получения диплома о присвоении им квалификации преподавателя физического воспитания. Вместе с тем, как пишет журнал «Юманите-диманш», в настоящее время для того, чтобы обеспечить школьникам нормальные условия для занятий спортом, в стране не хватает 9600 учителей.

ЛИССАБОН. В Амадоре, близ столицы, прошла национальная встреча Союза коммунистической молодежи Португалии (СКМП).

Ее участники — молодые рабочие, крестьяне, рыбаки, представители интеллигенции и студенчества — подвели итоги первого года существования союза, обсудили планы на будущее.

На встрече СКМП выступил Генеральный секретарь Португальской компартии Алваро Куньял.

Он призвал португальских комсомольцев организовать походы по ликвидации неграмотности, проводить профессиональные встречи молодежи, фестивали, спортивные праздники, выступать инициаторами добровольных работ в сельскохозяйственных кооперативах и коммунах. Все это, отметил он, должно продемонстрировать готовность трудящейся молодежи отдать все силы для перестройки Португалии, для ее развития по пути подлинной демократии.

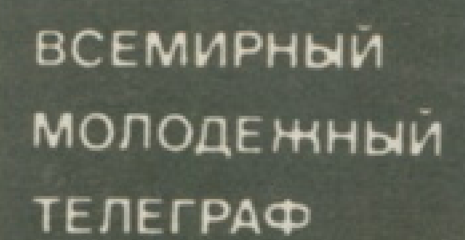
ЛОНДОН. Коммунистический союз молодежи Англии (КСМА) провел «Красный фестиваль» солидарности с героической борьбой чилийского народа. Его участники осудили репрессивную политику фашистской хунты Пиночета, призвали Британию порвать все отношения с кровавым режимом. Перед собравшимися с речами выступили Генеральный секретарь Компартии Великобритании Гордон Макленнан и дочь Луиса Корвалана, Генерального секретаря Компартии Чили, Вивиана Корвалан.

В ходе фестиваля активисты КСМА рассказали об интернациональной деятельности союза. Кроме того, были заслушаны доклады о динамичном развитии стран социализма, о ширящемся движении за национальное освобождение в странах Азии, Африки, Латинской Америки.

Фестиваль завершился массовым митингом в центре Лондона.

ХОШИМИН. Под мирным небом начинают свой второй учебный год дети Вьетнама. Только на юге страны около пяти миллионов мальчиков и девочек сели за парты в городских и сельских школах, в которых особенно заметно увеличение числа учащихся, и в первую очередь в начальных классах. Учителя свою главную задачу видят в том, чтобы дать своим подопечным прочные знания, способствовать их духовному, физическому и эстетическому развитию.

На снимке: в сельской школе идут занятия.

ВСЕМИРНЫЙ
МОЛОДЕЖНЫЙ
ТЕЛЕГРАФ

ЛЕЙПЦИГ. Студенты-выпускники из 20 стран Азии, Африки и Латинской Америки выбрали в этом году местом завершения своего высшего образования Германскую Демократическую Республику. Они приехали на стажировку в международную школу тренеров, созданную при Лейпцигском институте физкультуры. Школа готовит кадры высшей квалификации для организации и развития в этих государствах национальной системы физической культуры и спорта. Учебная программа школы включает повышение спортивного мастерства стажеров, теоретический и практический курсы по методике преподавания и подготовки классных спортсменов, лекции по спортивной психологии. Занятия сопровождаются ознакомлением с достижениями лучших спортсменов мира во время национальных и международных соревнований, проходящих в ГДР. За шесть лет деятельности школы ее окончили около тысячи молодых специалистов из 40 стран, которые ныне успешно работают у себя на родине.

ТОКИО. Двухдневную сидячую забастовку перед зданием Верховного суда страны провели японские женщины-юристы. Они протестовали против дискриминационных мер, закрывающих им доступ к должности судьи. В настоящее время в стране из 2600 судей только 56 — женщины. Зарплату они получают вдвое ниже, чем мужчины, причем перед вступлением в ассоциацию судей их принуждают подписать обязательство о «добровольном» уходе в отставку по достижении 30-летнего возраста. В большинстве случаев к тому же женщины-судьи подлежат увольнению после выхода замуж.

АФИНЫ. Один человек убит, свыше ста ранены, около 150 арестованы — таков первый итог принятого недавно закона о трудовых отношениях. Тысячи тружеников греческой столицы оставили работу, чтобы выразить свое негодование законом, значительно ограничивающим права рабочих, запрещающим проведение политических забастовок. Против манифестантов были брошены усиленные броневиками наряды полиции. Улицы Афин обагрила кровь. В знак солидарности с рабочими 24-часовую забастовку провели студенты.

На снимке: полиция разгоняет демонстрантов.

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ НА МЫСЕ ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Южно-Африканская Республика в последние месяцы решительно занялась законодательством. Казалось бы, все и так там было расписано и распределено: один белый имеет все, что эта «республика» может ему предоставить, и пять африканцев лишены всего, что эта «республика» смогла у них отнять. И прежде всего — достоинства человека. Один к пяти — таково соотношение африканского и «европейского» населения в этой стране. Таково и соотношение там прав.

В последние месяцы расисты-законодатели сделали еще один шаг в стиле царящей в этой «республике» морали: предоставили официальное право полиции стрелять в демонстрантов, официально и категорически запретили журналистам находиться в охваченных волнениями районах, ввели в официальную практику вооруженные вторжения на территорию соседних независимых африканских стран и, наконец, ввели на всей территории «республики» закон о превентивном заключении. Короче говоря, закон о незаконном аресте любого человека и его тюремном заключении без суда, следствия и даже каких-либо причин.

На мысе Доброй Надежды, во всей Южно-Африканской Республике сегодня стреляют. В черных, цветных, белых, детей, женщин и мужчин — во всех, кто против унижения, злобы и человеконенавистничества. Во всех, кто верит в другое завтра мыса Доброй Надежды.

смотрите!

ПАРЛАМЕНТ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ДЕРЖАВЫ

А. ЖАРИКОВ,
председатель Студенческого совета СССР

Двадцать шесть миллионов — столько сегодня на земле студентов. Средних размеров страна... Целая студенческая держава! (А не «армия», как часто пишут журналисты.) Но не правы те (и жизнь не раз это доказывала), кто возводит студенчество в самостоятельный класс, с особыми, труднодоступными для непосвященного интересами, запросами, психологией, темпераментом. Ничем не лучше, однако, и другая крайность — занижение места и роли студенчества в обществе ввиду временности пребывания человека в этом социальном состоянии.

Концепций и теорий, в основе которых зачастую лежат эти крайние точки зрения, буржуазная социология породила и продолжает производить на свет во множестве. То, что студенчество привлекает к себе огромное внимание, только естественно. Ведь именно людям с высшим образованием общество в конце концов вверяет ответственные посты в экономике и государственном аппарате, и ни одному классу не безразлично, какого мировоззрения придерживаются нынешние студенты, а завтрашние «люди у руля». Поэтому в обществе, где классы антагонистичны, идет постоянная борьба за влияние на студенчество. На это указывал еще В. И. Ленин: «Нет ни одной партии в цивилизованных странах, которая бы не понимала громадной пользы... учебных и профессиональных союзов, но всякая стремится к тому, чтобы в этих союзах преобладало именно ее влияние».

Научно-техническая революция привела к стремительному количественному росту студенческого контингента: только за последние 10—20 лет — в два с половиной раза, а с начала века — больше чем в 60 раз. Правящие классы капиталистических стран были вынуждены приоткрыть двери в высшую школу (делают они это, естественно, с большой неохотой) для выходцев из рабочего класса и крестьянства. Неизбежная демократизация социального состава студенчества столь же неизбежно привела к демократизации его настроений.

Но, разумеется, социальная пестрота студенческой массы порождает и новые сложные противоречия, университеты становятся средоточием интересов и столкновений разных классов. В этой обстановке молодому, еще не сложившемуся человеку бывает трудно сориентироваться, устоять перед опытными демагогами из лагеря «ультралевых», толкающими его на аван-

тюры. Или перед теми, кто уговаривает его не связываться с политикой, учиться, и точка. Причем и те и другие ссылаются на университетские традиции.

Да, конечно, как многолико студенчество, так многолики и его традиции. Но Международный союз студентов по праву считает себя преемником и носителем лучшего, что накоплено демократическим студенческим движением. Созданный в 1946 году на I Всемирном конгрессе студентов в Праге, МСС возник как результат боевого единства народов, молодежи и студентов в борьбе против фашизма. Потому так слитны, нерасторжимы провозглашенное в Уставе МСС твердое намерение демократического студенчества «построить лучший мир, стремящийся к свободе, миру и прогрессу», и конкретные задачи союза: «защита прав и интересов студентов, содействие улучшению их благосостояния и повышению уровня образования, а также подготовка студентов к выполнению ими задач как демократических граждан». Поэтому же в Уставе МСС четко зафиксирован принципиально важный вывод о том, что империализм — главный враг народов, главный виновник войн и всех форм угнетения. Создание МСС положило, таким образом, начало антиимпериалистическому единству, которое и сегодня составляет основу международного демократического студенческого движения.

Все это предопределило чрезвычайную широту деятельности МСС. Он превратился в подлинный парламент мировой студенческой державы, в постоянно действующий форум 90 национальных организаций (а начинался с 35), представляющих более трех четвертей студенческих организаций. Благодаря этому МСС не упускает из внимания ни один вопрос, волнующий как студенчество в целом, так и его отдельные, национальные отряды. И частная забота или боль становятся заботой и болью всех. Вьетнам и Чили, Ближний Восток и Юг Африки, Кипр и Парагвай — где бы ни бесчинствовали международный империализм или внутренняя реакция, энергичный, эффективный, авторитетный парламент демократического студенчества — МСС — всегда спешил на помощь жертвам империалистического гнета и произвола: информировал мир о событиях, влиял на общественное мнение, координировал акции солидарности, организовывал сбор средств в фонды помощи пострадавшим от репрессий.

Публикуемые в этом номере «Ровесника» материалы рассматривают узловые, общие для всего студенчества проблемы, а значит, проблемы, стоящие в центре внимания МСС: участие студенчества в движении за мир и социальный прогресс, за разрядку международной напряженности, его борьбу за демократизацию образования в странах капитала, взаимодействие студентов с прогрессивными силами общества, в первую очередь с рабочим классом, жизнь в высшей школе при социализме.

«Перед молодежью капиталистических стран, — говорил в речи на XVII съезде ВЛКСМ Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — во весь рост встает проблема выбора, определения своих позиций по острейшим вопросам современности: войны и мира, путей развития общества, использования достижений науки и техники, назначения искусства и литературы, смысла своей жизни и деятельности». Эти вопросы встали перед молодежью и студенчеством капиталистических стран не по отдельности, не в определенной последовательности, а как единая мировоззренческая проблема. В этом комплексе и сами — в прошлом узкие, «цеховые» — университетские проблемы органически вошли составной частью в широкие общедемократические требования.

Неудивительно, что студенты все лучше понимают необходимость выдержанной, последовательной и продуманной борьбы рука об руку с демократическими силами своих стран под общими антимонополистическими и антиимпериалистическими лозунгами. В международном плане такими общими целями являются борьба за мир, разоружение, сотрудничество и социальный прогресс. Так, все более широкую поддержку студентов всего мира находит программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, выдвинутая XXV съездом КПСС. Демократическое студенчество активно включилось в кампанию сбора подписей под новым Стокгольмским воззванием. И только естественно, что ведущая роль в развертывании этой борьбы принадлежит единственной по-настоящему представительной международной организации студенчества — МСС.

В студенческом движении Запада у МСС еще достаточно противников — и всякого рода левацких, анархистских, маоистских групп, и тех, кто пытается объединить и консолидировать правые силы, любыми средствами оторвать широкие студенческие массы от политической борьбы, посеять сомнения по поводу уже ставших фактом благоприятных изменений в международных отношениях. Ответом на эти усилия может быть только дальнейший подъем всех передовых сил студенческого движения в их борьбе за социальный прогресс, за наполнение

разрядки конкретным содержанием, за разоружение, за развитие более тесного сотрудничества молодежи. Такую работу и ведет МСС.

Абсолютный и относительный рост численности студентов в современных обществах, причем как в индустриально развитых, так и в молодых государствах, породил комплекс дополнительных вопросов, связанных как с материальной базой высшей школы, с формами, методами, содержанием образования, так и с социальной структурой студенчества. Эти на первый взгляд общие проблемы решаются в каждой из общественно-политических систем с принципиально разных позиций.

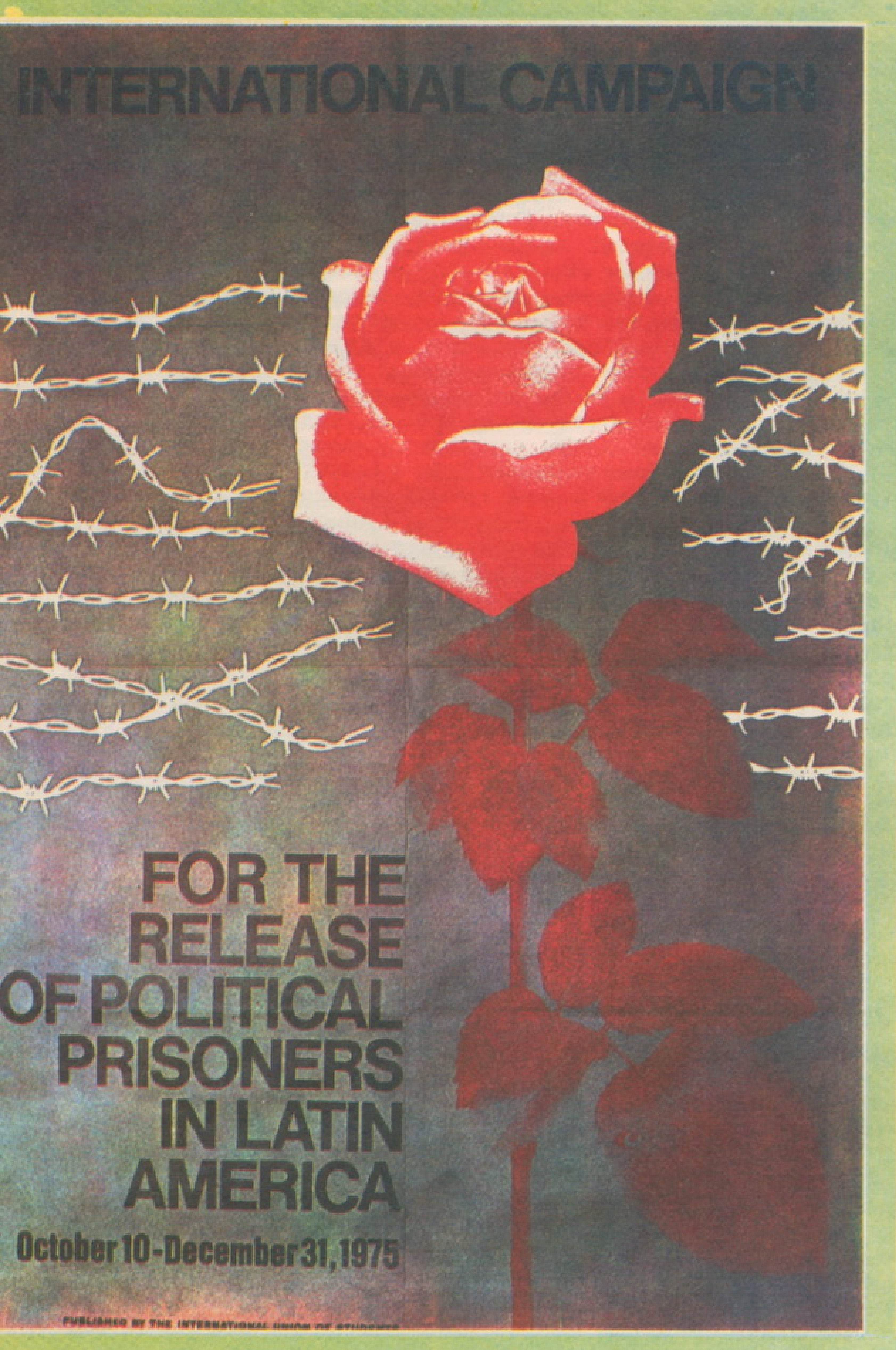
Социалистическое общество, не знающее ни стихии рыночного хозяйства, ни эксплуататорских классов, подходит к проблемам высшей школы на основе научного планирования, с учетом как личных склонностей учащегося, так и общегосударственных интересов. Характерная в этом смысле ситуация затронута в публикуемом здесь очерке о студентах-кубинцах, учащихся одного киевского вуза. Чтобы абитуриенты могли уточнить окончательно свое призвание, им была предоставлена возможность побывать на различных производствах, увидеть, «пощупать» свой завтрашний день, свою будущую профессию, о которой на родине они могли иметь только поверхностное представление. На примере тех же героев очерка мы видим, как легко и органично вживаются молодые ребята из одной социалистической страны в студенческую среду другой. Они не чувствуют себя иностранцами в привычном смысле этого слова. Они у себя дома, среди своих. И к ним отношение как к своим — разве что особо заботливое, но так, впрочем, и положено. В такой обстановке, естественно, успешнее постигается главное, ради чего они расстаются на несколько лет с родиной, — знания, специальности, которые так нужны их стране, их народу.

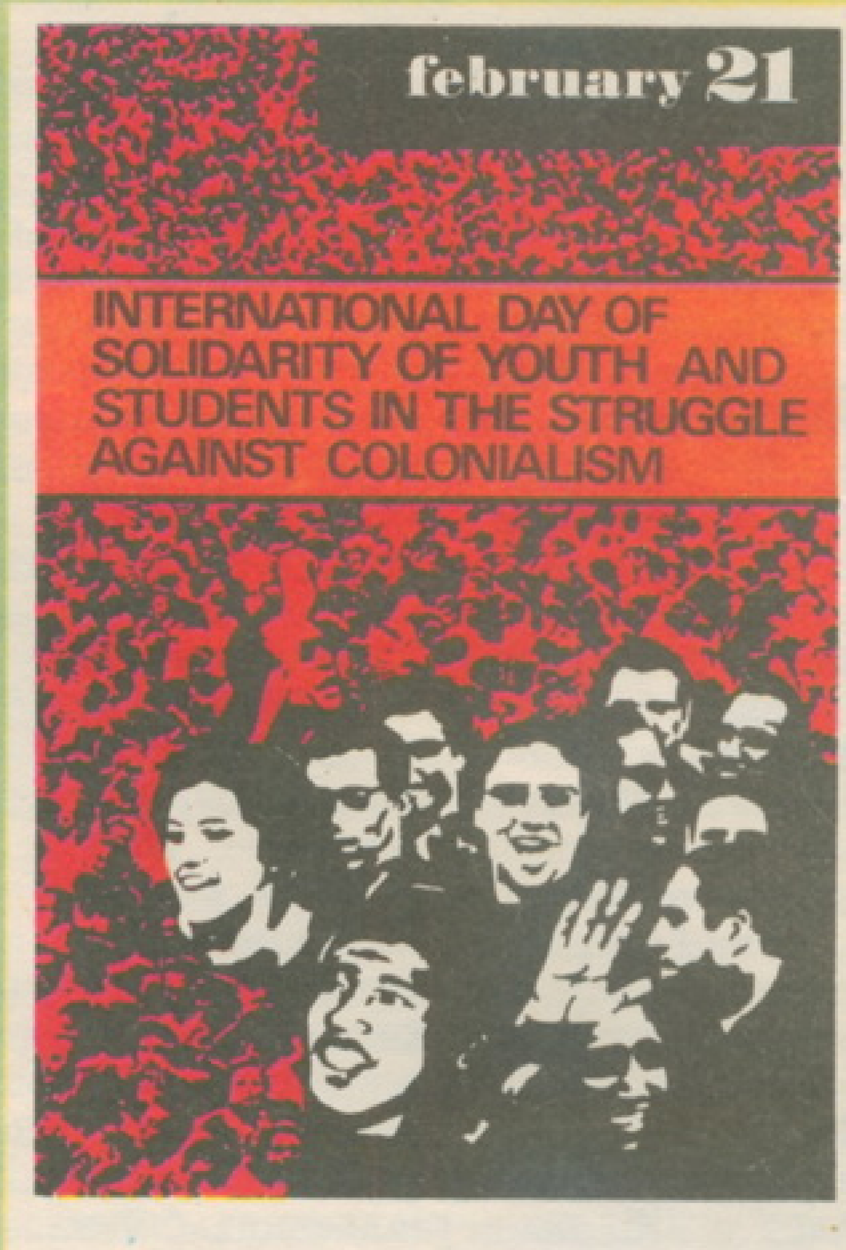
Через свои организации студенты социалистических стран принимают активное участие в управлении всеми университетскими делами, да и не только университетскими. В СССР, например, свыше тысячи студентов — депутаты местных Советов и Верховных Советов республик. «Социалистическое общество предоставляет молодежи неограниченные возможности для образования, всестороннего и гармоничного развития, вдохновенного, созидательного и по-настоящему свободного труда», — писал, обращаясь к участникам Встречи студентов социалистических стран, товарищ Л. И. Брежнев.

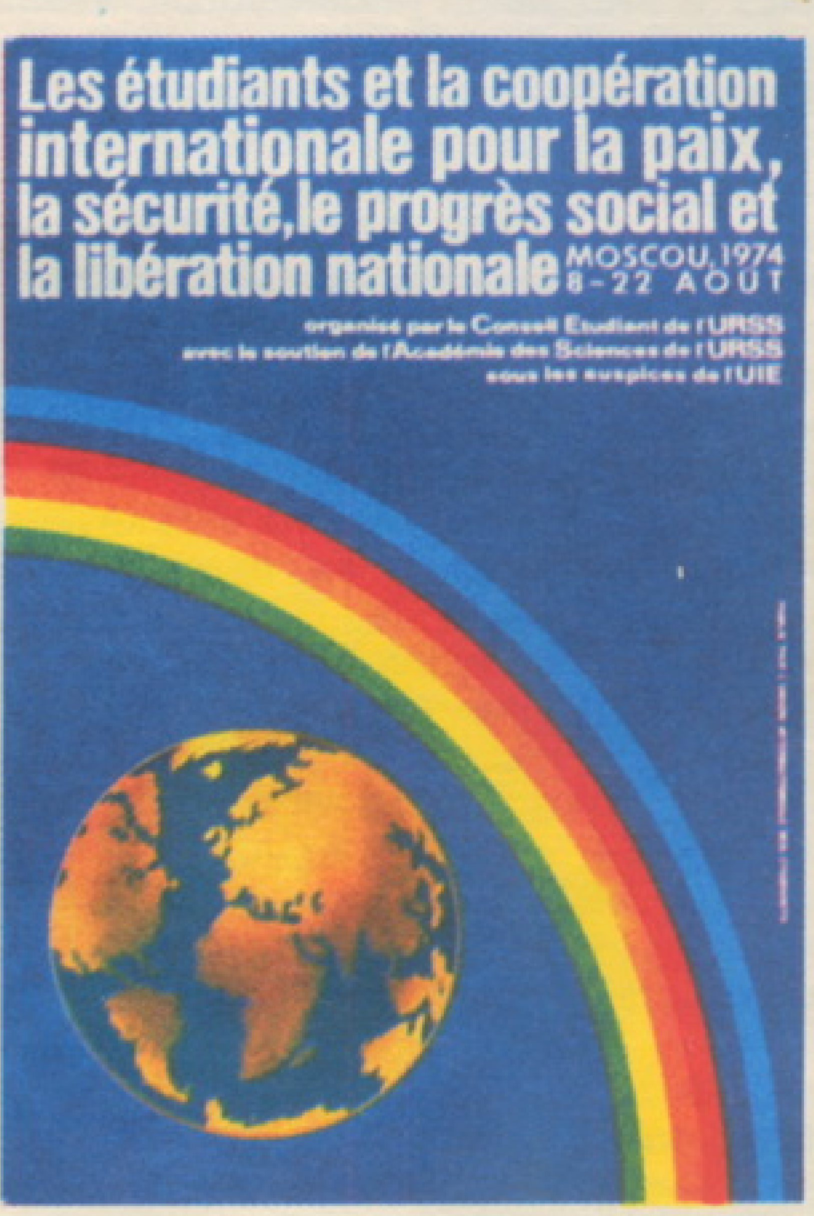
Совсем по-иному обстоят дела в мире капитала. Хотя, как я упомянул раньше, правящие классы вынуждены — под давлением научно-технической революции — расширять кадры с высшим образованием за счет выходцев из рабочих и крестьян, идут они на это крайне неохотно. В таких странах, как Франция и ФРГ, их число в общей массе студентов колеблется от 7 до 10 процентов. Социальным «ситом» для ограничения доступа к образованию служат и повышающаяся плата за учебу, жилье, питание, и недостаточное количество и малый размер стипендий. Те уступки, которые трудящимся и студентам удается вырвать в упорной борьбе, тут же пожираются растущими ценами, инфляцией, безработицей. В зачетных книжках первокурсников во Франции крупными буквами напечатано: «Диплом не дает права на должность». Из 43 тысяч выпускников педагогических вузов Великобритании этого года для 30 тысяч — троих из четверых — устройство на работу остается под большим вопросом.

Трудные задачи приходится решать студенческой молодежи недавно освободившихся стран. В ряде этих стран проведены значительные экономические и социальные реформы, но система образования в большинстве случаев осталась в том виде, в каком была при колонизаторах. Обучение в университетах ведется без учета национальной действительности, часто по специальностям, мало или вовсе не применимым в этих странах.

МСС в своей деятельности учитывает специфику условий, в которых живут, учатся и борются студенты на разных континентах, в разных странах, в различных социальных системах. Благоприятные возможности для консолидации действий демократического студенчества вокруг его авангарда — Международного союза студентов — открываются в условиях разрядки напряженности, позитивных перемен на международной арене, достигнутых благодаря усилиям нашей страны, других социалистических стран, всех миролюбивых сил. Это показала и Европейская встреча молодежи и студентов, проходившая в июне этого года в Варшаве, об этом же свидетельствует и разворачивающаяся подготовка к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов на Кубе. Наши, советские студенты всегда активно сотрудничали в движении демократического студенчества мира, в делах его организации — Международного союза студентов — с пользой и для себя, и для своих коллег по МСС. Несомненно, так будет и впредь.

На этой и последующих страницах мы воспроизводим плакаты, изданные в разное время Международным союзом студентов. По этой боевой графике можно судить о многообразии деятельности МСС, деятельности, благодаря которой он на протяжении всех 30 лет своего существования пользовался доверием и приверженностью демократического студенчества мира. МСС всегда был и остается организацией международного сотрудничества студентов во имя мира, безопасности, социального прогресса и национального освобождения, организацией солидарности с борцами за свободу.

ВРЕМЯ РАЗМЫШЛЯТЬ

Р. ВИКТОРОВ

Среди нынешних читателей «Ровесника», думаю, не очень много наберется таких, кто знает (или вспоминает), что долгое время в университетах капиталистических стран был сравнительно популярен лозунг «студент — вне политики». И что более того: кредо это имело организационное оформление — в лице Международной студенческой конференции (МСК). Сразу оговорюсь, что под «аполитичностью» лидеров МСК крылась самая что ни на есть политика, только проимпериалистическая и резко антикоммунистическая — в духе царившей тогда, в 50-х годах, «холодной войны». В 1967 году, после скандальных разоблачений связей лидеров МСК с органами американской разведки, финансировавшей эту организацию, МСК приказала долго жить, заодно окончательно скомпрометировав идею студенческой аполитичности. Во всяком случае, начиная с 1968 года, знаменитого «молодежными бунтами», унылый рефрен «студент — вне политики» почти исчез со страниц мировой прессы. Конечно, буржуазные социологи, ловящие любое колебание настроений студенческой среды, время от времени заговаривают о падении ее «интереса к политике», причем всякий раз с плохо скрываемой радостью и впадая в преувеличения насчет последствий усмотренного ими спада. (Желаемое выдается за действительное — тот самый случай. Спад же сменяется подъемом вопреки их прогнозам.) Так или иначе лобовым термином «студент — вне политики» буржуазная печать предпочитает уже не пользоваться: у него слишком мало шансов на успех.

В подтверждение приведу результаты одного опроса. Его организовала в феврале этого года редакция парижского буржуазного журнала «Нувель обсерватёр». Один из пунктов анкеты касался «места студента в обществе». 400 учащимся самых различных факультетов (чисто гуманитарных, права, экономики, точных наук, медицины) было предложено высказаться по поводу двух

вопросов, сформулированных в утвердительной форме: «Время студенчества — это время, когда надо размышлять и интересоваться большими проблемами общества», «В это время не стоит интересоваться большими проблемами; прежде всего надо думать об учебе». «Да» ответили: на первый вопрос — 74 процента опрошенных, на второй — 15; без определенного мнения — 11 процентов.

Следующий пункт анкеты как бы развивал и уточнял эти ответы. «Интересуетесь ли Вы политикой?» Ответы такие: «очень» — 38 процентов, «немного» — 41, «очень мало» — 13, «совсем нет» — 8. Отметим в скобках некорректность постановки вопросов: тем, кто мог бы ответить нейтральным «интересуюсь», навязан непростой выбор между «очень» и «немного», и вся обойма подпунктов оказывается смещенной в негативную сторону — «немного», «очень мало», «совсем нет». Довольно типичный, часто применяемый прием буржуазной социологии, когда интервьюируемому как бы исподволь подсказывается желаемый автором анкеты ответ. Но даже при этом недостатке анкеты ответы весьма показательны, так как 79 процентов, четверо из пяти, интересуются (очень или немного — будь по-вашему, коллеги из «Нувель обсерватёр») делами общества, в котором они живут, и его отношениями с другими обществами мира (причем нас здесь будет интересовать именно международный аспект).

Любопытно сравнить эти результаты с опросом, проведенным среди студентов Французским институтом общественного мнения по инициативе другой — тоже парижской и тоже буржуазной газеты, «Монд», в 1972 году. Перечень подпунктов был несколько иным. Политикой интересовались: «очень» — 27 процентов опрошенных, «достаточно» — 29, «немного» — 31 и «совсем нет» — 13. Учтем, что в этом варианте «дискриминированы» «очень мало» интересующиеся; они, естественно, были вынуждены воспользоваться графой «немного». Судя по этим данным, налицо явный рост интереса студентов к политике за последние четыре года. Один из комментаторов студенческих опросов замечает: «Отношение (студентов) к политике кажется мне более серьезным, чем раньше. Они теперь остерегаются готовых лозунгов и формул. Растет их желание к глубокому анализу и поиску новых средств действий».

Но определить степень заинтересованности в политике — еще полдела. Не менее важно выяснить, на каких позициях стоит человек. И вот что выяснилось в ходе опроса по анкете «Нувель обсерватёр». Из числа тех 38 процентов, которые «очень» интересуются политикой, только 15 процентов ориентируются на «большинство» (то есть на буржуазные партии, служащие опорой системы), а 51 процент — на левые партии и организации.

Эту отрадную особенность — рост авторитета левых и в первую очередь наших братских, марксистских организаций — можно отметить и на примерах других стран. Например, на очередной конференции Национального союза студентов Великобритании (НСС), состоявшейся в апреле этого года, в исполком этой организации, бывшей когда-то оплотом консерватизма, избрано три коммуниста.

В ходе опроса, организованного во время зимнего семестра 1973/74 года мюнхенским институтом общественного мнения «Инфратрест» и редакцией журнала «Шпигель», 57 процентов из 4 тысяч проинтервьюированных студентов ФРГ выделили марксистский студенческий союз «Спартак» как «самого решительного сторонника реформ». «В высших учебных заведениях,— пишет «Шпигель»,— коммунисты играют ту же роль, что на крупных предприятиях. Многие студенты избирают спартаковцев в студенческие комитеты по той же причине, по какой многие рабочие избирают членов ГКП (Германской коммунистической партии. — *Р. В.*) в производственные советы: не потому, что члены ГКП хотят приблизить революцию, а потому, что они особенно активно защищают актуальные интересы своих коллег». Признание ценное, даже несмотря на его подтекст (мол, для рабочих и студентов привлекательна вовсе не идеологическая платформа, а активность коммунистов; без уловок такого рода интерпретаторы этих опросов просто не в силах обойтись).

Вернемся, однако, к тому, о чем я говорил в начале этой статьи. Вы могли обратить внимание на некоторую синхронность процессов, непосредственно вроде бы не связанных. 1967 год — окончательный развал МСК, порожденной «холодной войной», 1968-й — волна студенческой активности. Припомним дальше. На конец 60-х годов приходится постепенный поворот на мировой арене от «холодной войны» к новым отношениям — на принципах мирного сосуществования государств с различными социальными системами. 70-е годы — серия международных событий, закрепляющих этот поворот: от советско-американских договоренностей и мирных договоров ФРГ с СССР, Польшей и Чехословакией до Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. И на эти же годы приходится серия международных студенческих встреч, а также особенно быстрый рост авторитета и численного состава Международного союза студентов (МСС). Что это, простые совпадения? Нет, конечно, с масштабными общественно-политическими процессами так не бывает. Даже при беглом анализе, который позволяют размеры этой статьи, проявляется их диалектическая взаимосвязь и, следовательно, причастность современного студенчества к международной политике.

Попробуем для наглядности пойти, так сказать, от обратного. Зададимся вопросом: могло ли студенчество последнего десятилетия отсиживаться в своей академической «башне из слоновой кости»? В случае утвердительного ответа нам пришлось бы представить себе американских студентов безучастными к кровавой бане, устроенной империалистическими кругами США во Вьетнаме; студентов Южной Америки — спокойно взирающими на то, что творит хунта в Чили; учащихся французских или английских вузов — равнодушно отказывающимися от турпутевок в Ленинград или Будапешт; западногерманских студентов — набравшими в рот воды при виде кампании в шпрингеровской печати против договоров ФРГ с социалистическими странами и против самих этих стран... Перечень этих абсурдов можно было бы легко продолжать и продолжать. Но ведь в том-то и дело, что такие предположения начисто опровергаются фактами, а потому выглядят абсурдом.

Озабоченность социальными проблемами своих стран, солидарность с угнетенными, где бы они ни жили, стремление лучше узнать жизнь и проблемы друг друга, самая активная поддержка политики разрядки более всего характерны для основной массы современного студенчества. Причем если разрядка на государственном уровне способствует контактам между национальными студенческими организациями, то, в свою очередь, акции на уровне «студенческой разрядки» нацелены на то, чтобы закрепить и сделать необратимыми благоприятные перемены в международных отношениях. Достаточно вспомнить целый ряд студенческих встреч и семинаров, посвященных проблемам европейской безопасности и проходивших параллельно дипломатическим переговорам в рамках общеевропейского совещания государств.

Конечно, позиции, как и степень участия различных отрядов студенческого движения капиталистических стран в политической жизни далеко не однозначны. Это понятно. Студенчество слишком многолико, чтобы рисовать его просто в черных и белых красках. Тем более когда речь идет о таких острейших политических проблемах современности, как классовая борьба на мировой арене двух идеологических и социальных систем — социализма и капитализма. «Студенчество, — писал В. И. Ленин, — не было бы тем, что оно есть, если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе, — «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп... а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе». Это замечание полностью верно и для нынешней обстановки. Но существенно изменились условия, в которых молодое поколение капиталистических стран приобщается к политической борьбе. Вся его жизнь сегодня, формирование идеалов, мировоззрения, социального и морального облика, наконец, интенсивность и характер поведения предопределяются переломным характером мировой истории. Понимание же и осознание этого влияния современной жизни на студенчество далеко не сразу и не просто пришли в студенческие аудитории, да и сегодня они далеко не абсолютны.

Вспоминаю, как десять лет назад мне в составе группы советских студентов довелось побывать в гостях у английских студентов. Обстановка в английских университетах тогда имела мало общего с сегодняшней. Национальный союз студентов Великобритании (НСС), объединявший, как и поныне, автоматически все английское студенчество, был одним из прочнейших столпов МСК. Откровенно консервативная организация, НСС во внутренней жизни «строго» держался линии «аполитичности», что, однако, никогда не мешало лидерам НСС делать антисоветские и антикоммунистические выпады. Мы встречались со студентами в их клубах, аудиториях, на вечерах. Правда, о подлинном стремлении руководства НСС к расширению контактов и обменов со студентами социалистических стран говорить еще было рано. Организацией самой поездки и тем более встреч и дискуссий тогдашнее английское студенческое руководство хотело реабилитировать себя перед студенческими массами, недовольными его проимпериалистической линией. Что до нас, то мы были поражены апатией наших английских коллег к любым политическим проблемам, исключительной их неосведомленностью о самых жгучих и острых политических проблемах. В Лестере, небольшом университетском городе, во время очередной встречи со студентами, в которой, кстати, участвовали и несколько американских студентов и стажеров, мы подняли вопрос об отношении английского студенчества к нараставшей тогда агрессии США во Вьетнаме. Вот тут уж политической бесхребетностью и равнодушием английской аудитории возмутились даже американцы. В США в это время, как известно, уже разворачивалось массовое антивоенное

студенческое движение. Этот эпизод я вспомнил, чтобы показать дистанцию, которую должно было преодолеть студенчество таких, как Англия, капиталистических стран, чтобы прийти не просто к политической, но прогрессивной деятельности. Пересмотр основ политики английских студенческих организаций начался уже в конце 60-х годов.

«Будущее поколение английских студентов, — писал по этому поводу в 1969 году автор книги «Власть студентов» Дэвид Присмэн, — не захочет лишь на словах поддерживать борьбу народов против империализма, колониализма и расизма; оно вступит в конфликт с капиталистическим обществом, которое породило эти явления, внесет свой вклад в эту борьбу... Студенчество будет рассматривать события во Вьетнаме как свое кровное дело, оно установит теснейшие узы товарищества со студентами всех стран Европы... Сейчас возникла необходимость сделать новый шаг вперед, последовательно претворяя в жизнь принципы студенческого интернационализма. Мы знаем, что достигнуть этого можно будет только, если мы извлечем урок из событий последнего двадцатилетия».

К чести английских студентов надо сказать, что такие выводы были сделаны. И хотя политическая многослойность английского студенчества и сейчас оставляет немало места для откровенно реакционных, в духе старых времен, выступлений и действий, значительная его часть нашла свое место как в демократической внутриполитической борьбе, так и в международном студенческом движении, вступив на дорогу сотрудничества с прогрессивной молодежью Европы за обеспечение разрядки, укрепление безопасности и сотрудничества народов.

Все более широкие массы студентов встают на сторону сил, выражающих интересы будущего, то есть тех, кто сознательно и целеустремленно борется за создание прочных условий для обеспечения мира и социального прогресса народов.

Характерны в этом смысле значительные изменения, которые произошли в студенческой среде Соединенных Штатов.

«Да будет известно, что американский и вьетнамский народы не являются врагами. Война ведется от имени народа США, но без нашего согласия. Она уничтожает землю Вьетнама. Она отнимает у Америки ее ресурсы, ее молодежь, ее честь» — это слова из преамбулы «Совместного договора о мире между народами США и народами Южного Вьетнама и Северного Вьетнама», под которым Национальная студенческая ассоциация США (НСА) собрала в 1972 году более трех миллионов подписей. Да, та самая организация, которая делала в годы «холодной войны» все, чтобы помешать росту политического сознания американского студенчества, консолидации прогрессивных и демократических сил международного студенческого движения.

В конце 60-х и начале 70-х годов в США начались мощные студенческие выступления против войны во Вьетнаме. Скоро они переросли рамки антивоенного движения. Американское студенчество выступало в целом против империалистической политики своего правительства. Вот что говорил в 1972 году, характеризуя программу НСА США на новом этапе, один из тогдашних лидеров американского студенческого движения, Ричард Поллак: «К счастью, многое значительно изменилось... Теперь ясно, что студенты не желают быть когтями хищных менеджеров в США. Если мы посмотрим на мужественную борьбу за мир и свободу во всем мире, то станет очевидным, что роль американского студенчества состоит в том, чтобы устранить противоречивые законы, по которым мы живем, понять, что бедность не должна существовать на земле изобилия». Появилось и новое понимание коренных проблем современного мира.

Стремясь занять должное место в начавшихся процессах разрядки международной напряженности, американские студенческие организации стали искать контакты со студентами социалистических стран. Я расскажу немного о том, как развивались связи между американскими и советскими студентами. В 1971 году по инициативе Ассоциации ораторского искусства США 250 американских университетов и колледжей направили приглашение советской делегации посетить их учебные центры. В семи из них в 1972 году состоялись первые открытые дискуссии студентов двух стран. Тема, которая была избрана совместно: «Что могут сделать СССР и США для укрепления мира?» На первой же встрече в Гамильтоновском колледже собралось более двух тысяч человек. Дискуссии предшествовал массовый антивоенный митинг американских студентов, на котором была принята резолюция с требованием прекращения бомбардировок ДРВ и вывода американских войск из Вьетнама. Советские студенты были просто завалены вопросами. Они были разными. В одних чувствовалось влияние чудовищной неосведомленности и просто прямого обмана студентов буржуазной пропагандой. В других — откровенный интерес к нашей точке зрения по самым неожиданным вопросам. Ответная группа американских студентов прибыла в нашу страну в том же, 1972 году.

С тех пор такие поездки осуществляются ежегодно. Обсуждались вопросы о роли молодежи в советском и американском обществах, дальнейшие усилия, которые должны предпринять СССР и США в деле развития сотрудничества и обеспечения мира. В 1976 году обсуждались место и роль революции как средства социальных изменений. На картах Соединенных Штатов и Советского Союза сегодня можно отметить по меньшей мере два десятка университетских центров, где уже состоялись такие встречи. В репортаже о дискуссии советских и американских студентов в одном из университетов Вашингтона американская газета «Ньюсдей» метко написала: «День разрядки начался».

В июле 1975 года впервые за всю послевоенную историю в Советский Союз приехала официальная делегация Национальной студенческой ассоциации США. Возглавляла делегацию президент НСА Кати Келли. Разговор касался важнейших проблем студенческой жизни и международных проблем, которые волнуют студенчество. Позиции двух организаций — НСА и Студенческого совета СССР — по большинству вопросов оказались либо едиными, либо близкими, что и было записано в совместном коммюнике. Обе организации дали «высокую оценку усилиям всех прогрессивных и миролюбивых сил в их борьбе за разрядку, сотрудничество и всеобщий мир, подчеркнули необходимость активного участия в этой борьбе студентов и студенческих организаций». Как бы подводя черту под периодом «холодной войны», обе организации заявили, «что выкованный в годы войны с фашизмом дух «встречи на Эльбе» должен получить повсеместное распространение в студенческой среде двух стран». В октябре того же года конгресс НСА в присутствии делегации Студенческого совета СССР ратифицировал это коммюнике, утвердив его, таким образом, как официальную линию своей политики.

В условиях напряженной, последовательной борьбы нашей партии, Советского правительства, всех миролюбивых сил за разрядку международной напряженности складывалась новая атмосфера и для международного студенческого сотрудничества. Последние годы были особенно богаты контактами и встречами. Важнейшую роль в этом сближении молодежи и студенчества разных стран и разных политических взглядов, в выработке общих требований и проведении совместных действий сыграли Всемирная федерация демократической молодежи и Международный союз студентов.

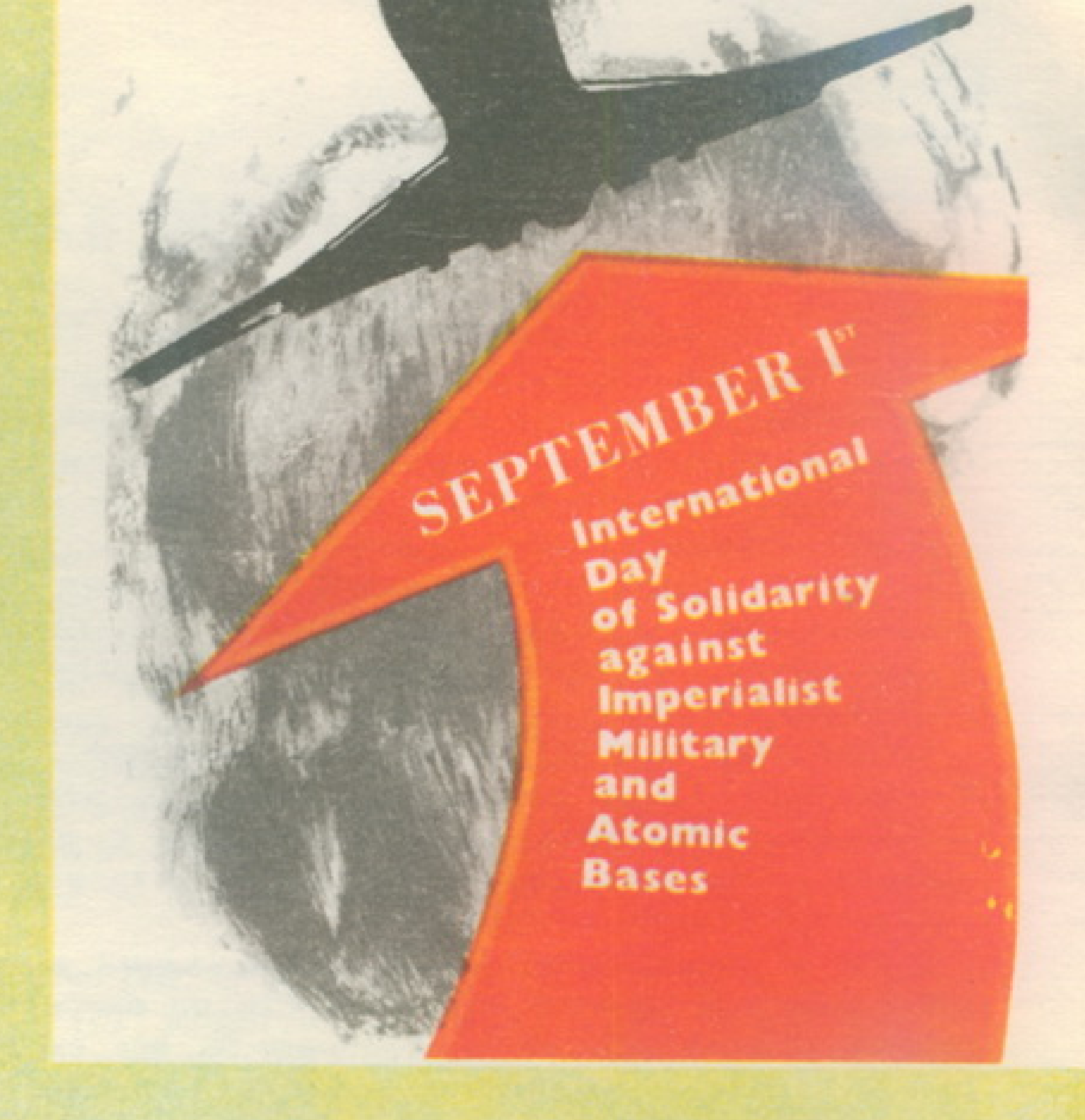
Уже в конце 50-х годов МСС выступил с инициативой проведения европейских встреч национальных студенческих организаций, тогда еще входивших в МСС и МСК. Как ни противилась тому МСК, как ни пытались помешать развитию такого сотрудничества реакционные лидеры ряда западноевропейских студенческих организаций, встречи эти очень скоро стали признанным инструментом сотрудничества и согласования совместных действий студентов Европы. И если до 1966 года на них обсуждались преимущественно «чисто» студенческие проблемы, такие, как туризм, досуг и т. д., то с тех пор непременной темой каждой встречи стали политические проблемы. И главная среди них — роль, место и практические действия студентов Европы в борьбе за обеспечение безопасности и развитие сотрудничества народов. Студенческие организации европейских стран внесли немалый вклад как в успех представительных молодежных конференций (в Хельсинки, Мюнхене, Флоренции, Варшаве), так и в работу крупнейших форумов общественности мира и Европы.

Свидетельством продолжения и развития тенденций к единству различных сил студенческого движения в борьбе за высокие цели разрядки стал состоявшийся недавно «круглый стол» по вопросам разоружения в Женеве. Участниками его были студенческие организации — члены трех международных студенческих объединений — Международного союза студентов, Международного молодежного и студенческого движения в поддержку ООН и Международного союза студентов-христиан. Крупным успехом демократических, прогрессивных сил молодежного и студенческого движения Европы стала Европейская встреча молодежи и студентов в Варшаве, проходившая под лозунгом «За прочный мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс».

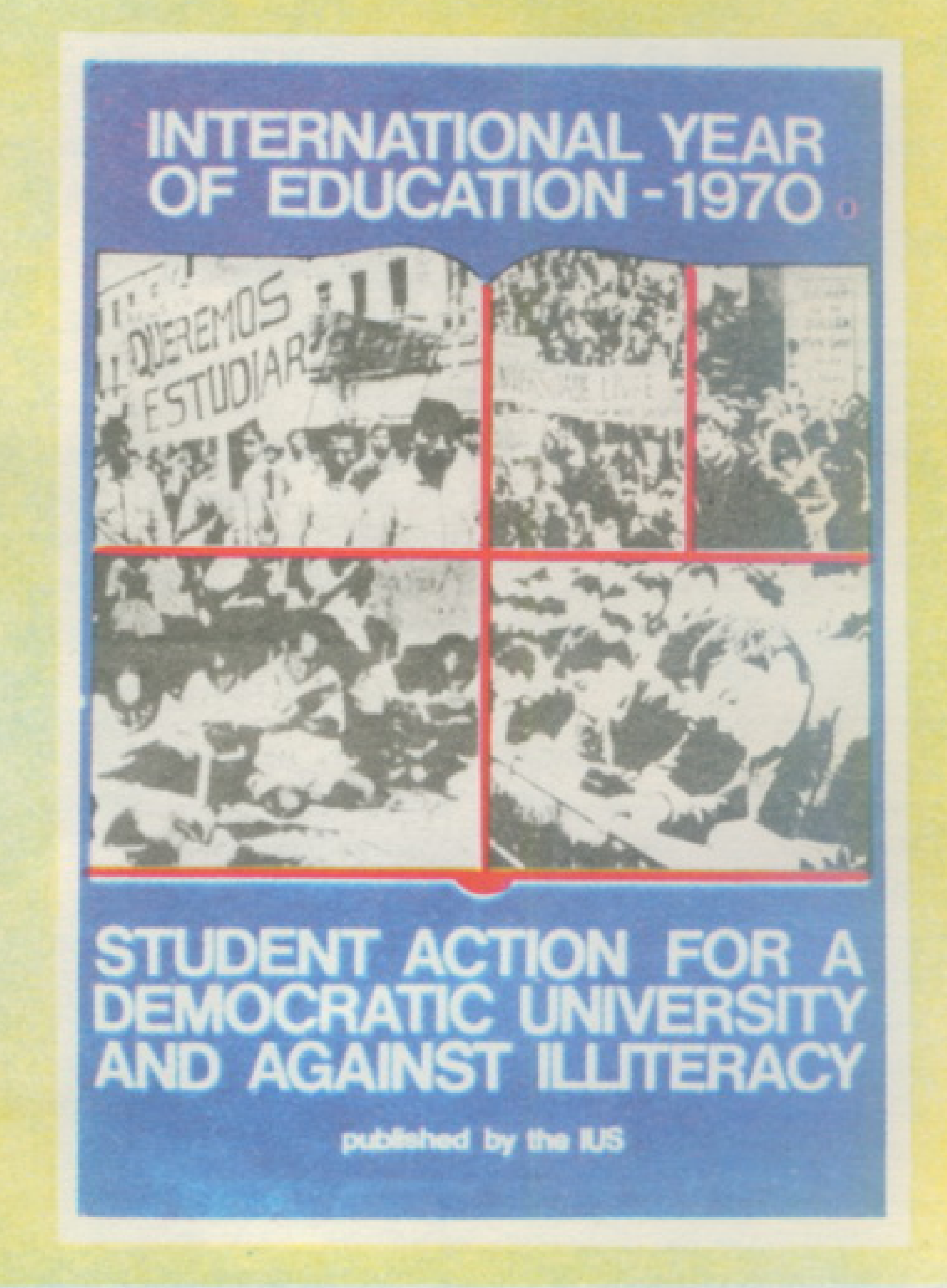
Выражая мнение миллионов своих сверстников, 1500 участников этой встречи заявили: «Мы выражаем наше убеждение в том, что, объединяя усилия в борьбе за упрочение мира и безопасности народов нашего континента, развивая и совершенствуя всестороннее сотрудничество, европейская молодежь и ее организации будут и в дальнейшем играть деятельную роль в обеспечении мирного и демократического развития Европы, в защите коренных прав и жизненных интересов молодого поколения». Можно не сомневаться, что студенты и молодежь сдержат свое обещание. В пользу такой перспективы говорит вся их деятельность в последние годы как во внутринациональном, так и в международном плане.

Всегда в центре внимания МСС — проблемы, представляющие собой каждодневную, неутолимую заботу студентов: проблемы демократизации высшей школы. Организованные союзом международные семинары, а также национальные мероприятия по вопросам высшего образования помогают студентам глубже разобраться в сути университетского кризиса при капитализме, точнее формулировать задачи и лозунги своих выступлений, разглядеть связь между «чисто студенческими» интересами и интересами широкого антиимпериалистического движения.

СТУДЕНЧЕСКИЙ СЧЕТ МОНОПОЛИЯМ

Общеизвестно, что высшая школа — чрезвычайно тонкий, чувствительный механизм, реагирующий на положение в обществе. И в свою очередь, любая неполадка в этом механизме самым болезненным образом сказывается на обществе в целом — раньше или позже. Научно-техническая революция год от года усиливает эту взаимозависимость и соответственно умножает и усложняет задачи, стоящие перед высшей школой. В обществе социалистическом система высшего образования непрерывно совершенствуется с учетом интересов всех социальных групп населения. При капитализме же противоречия между возможностями высшей школы и требованиями научно-технического прогресса неимоверно обостряются классовыми антагонизмами, периодическими кризисами. С точки зрения монополий, специалисты высшей квалификации просто товар. Товар, который надо произвести как можно быстрее и дешевле. Отсюда вывод: надо сокращать сроки обучения, не «расточать» средства на обновление зданий и оборудования в университетах, выбрасывать из программ «лишнее» (в первую очередь такие социально взрывоопасные науки, как философия, политическая экономия, история). Соответствующий нажим на университеты осуществляется в последнее время — почти синхронно! — в целом ряде стран капитала. Франция — только пример. Если мы решили рассказать здесь о ситуации именно во французской высшей школе, то только потому, что, доведенный до максимума, этот нажим монополий привел недавно к взрыву. Но кризис высшей школы наблюдается и в Англии, и в ФРГ, и по ту сторону Атлантики. Не спаслись от него и итальянские вузы. Разрекламированная реформа, разрешившая поступление в высшую школу «всем желающим», ничего не изменила в классовой структуре университетов. Ибо неимущие по-прежнему неимущие, и учеба им как была, так и осталась не по карману, а главное — полученные знания не обеспечивают им места на рынке труда.

В общем, у западной молодежи — большой счет к монополиям, жаждущим распоряжаться университетами как своей безраздельной собственностью. Вот почему студенчество не прекращает борьбы за демократизацию высшей школы, борьбы, в которой оно опирается как на свои национальные студенческие организации, так и на главную штаб-квартиру боевого студенчества — МСС.

Губертус ГЭБЛЕР,
западногерманский журналист

ТАМ, НА ПЛОЩАДИ БАСТИЛИИ

Жюсьё, один из университетских центров Парижа, бастует. Уже полтора месяца. А во многих университетских городах студенты и преподаватели целых три месяца не проводят лекций и занятий — в знак протеста против реформы высших учебных заведений. Пустуют лекционные залы накануне всеобщей демонстрации и в Жюсьё. Только в кафетериях народу — не продохнуть. За чашкой кофе обмениваются последними новостями. Рядом устроили свои информационные бюро политические организации, в том числе «Национальный союз французских студентов» (ЮНЕФ)[1].

Около часу дня все приходит в движение. Пытаюсь разузнать, в чем дело. Один студент говорит мне, что сейчас все расходятся по своим кружкам. Отправляюсь с ним. Там, куда мы пришли, собралось много народу — студенты физического факультета в полном составе.

Страсти разгораются моментально. Один юноша пытается навести порядок, просит всех говорить по очереди. Все до единого ругают реформу высшего образования, все сходятся на том, что она не решает ни одну из злободневных проблем.

А в эти же дни буржуазная печать гнет свою линию. Скажем, одна из влиятельных французских газет, «Эко», пишет:

«Необходимость связать университеты с потребностями промышленников становится все более явной. Короче, содержание учебных программ и занятий будет соответствовать действительным потребностям страны... Патронат, то есть объединение промышленников, должен иметь решающее слово в перестройке учебных процессов. Время обучения должно быть укорочено до трех лет, так как половина студентов все равно так и не дотягивает до третьего года обучения. Надо исключить все возможности переключения учащегося в смежную научную специальность — с самого начала в учебном процессе должны быть установлены строгие рамки. Только это повысит эффективность обучения в интересах местного капитала. Студенты смогут надеяться получить рабочее место только в тех районах, где они получили образование».

Французские эксперты по образованию четыре года трудились над реформой. Как и их коллеги в ФРГ, они сочли, что количество высших учебных заведений давно превзошло потребности монополистического капитала в квалифицированных кадрах.

Сокращение срока обучения, ограничение ассигнований высшим учебным заведениям, как и всему сектору образования, ужесточение требований на переходных экзаменах, прямое «предпринимательское влияние» во французских университетах (как и практика включения «представителей профессий» в выпускные комиссии в вузах ФРГ) — все это звенья одной цепи: высшую школу подлаживают к потрясенному кризисом государственно-монополистическому капитализму как в ФРГ, так и во Франции.

Во Франции сегодня не могут найти работу 100 тысяч людей с высшим образованием. Двое из каждых трех студентов бросают учебу, причем половина досрочно выбывших из вузов делает это уже на первом курсе, и даже те, кому удается получить диплом, не могут найти работу, которая соответствовала бы их квалификации. Еще печальнее положение студенток. Они ждут места в два раза дольше, чем юноши, а зарплата их в среднем на 20 процентов ниже, чем у мужчин.

Социальное положение студентов ухудшается. Расходы на обучение возросли в последние три года на 110 процентов.

Высшая школа остро нуждается в средствах. Тесные помещения, обветшавшие, плохо отапливаемые здания... Строительство новых или все время отсрочивается, или вообще вычеркивается из планов. Не хватает преподавателей, лекционных залов, сокращается расписание семинаров и лекций. Библиотеки и лингафонные кабинеты часто закрыты — нет денег и специалистов. Научные исследования вычеркиваются из учебных планов. В этой обстановке студенты не ждут ничего хорошего от переформирования и регламентации вузов. И они отвечают демонстрациями, забастовками, днями протеста почти во всех высших учебных заведениях страны.

Вопрос «Что делать?» заставляет действовать. Забастовки длятся месяцами. Студентов поддерживают профсоюзы и левые партии. Даже часть преподавателей и ректоров — против реформы.

...Спор разгорается все жарче — прежде всего о том, какие пути и формы протеста скорее приведут к успеху. Маоисты вообще против организованных действий. Их нападки нацелены в основном против коммунистической партии, против Союза студентов-коммунистов и ЮНЕФ. Но они совершенно изолированы от основной массы студенчества. Антикоммунизм привел их в один угол с реакцией, и студенты уже не воспринимают всерьез их болтовню.

Искуснее действуют на собраниях троцкистские группировки. В январе они примкнули к студенческому движению, хотя и в последний момент. Соглашаясь на словах с политикой ЮНЕФ, они не оставляли попыток свести эту политику к чисто реформистской и буржуазной, сузить фронт борьбы. Но ЮНЕФ удалось вовлечь в борьбу много таких студентов, которые до сих пор вообще сторонились политики, сблизить студенчество с рабочим движением.

ЮНЕФ и Всеобщая конфедерация труда (ВКТ) вместе ведут большую разъяснительную работу среди студенчества. Вот строки из заявления ВКТ 12 апреля, когда буржуазная пресса уверяла, что студенты «тщетно ждут поддержки от профсоюзов»: «Студенты борются против реформы... которая должна привести к ограничению и снижению уровня обучения и увеличить число безработных. Трудящиеся борются против той же безработицы, виновники которой — те же предприниматели. Студенты борются против намерения предпринимателей и правительства навязать им рабочие места гораздо ниже их квалификации и выдать им дипломы, которые уже через пять лет будут считаться устаревшими. Рабочие борются против точно таких же попыток предпринимателей подсунуть им краткосрочные договоры и дисквалифицировать их рабочие места... ВКТ поддерживает борьбу как студентов, так и рабочих. Она помогает вашему профсоюзу — ЮНЕФ, боевую и ответственную инициативу которого особенно ценит».

ЮНЕФ требует отмены реформы высшего образования, предоставления рабочих мест учителям, инженерам и научным работникам, равноценности дипломов всех учебных заведений страны, а также улучшения финансирования университетов и выдачи государственных стипендий всем студентам.

Стратегия ЮНЕФ: он призывает студентов напрячь силы для продолжения и расширения борьбы за отмену реформы, чтобы принудить власти сесть за стол переговоров и обсудить студенческие требования. Сектантским группам в студенческом движении эта стратегия совершенно непонятна. Переговоры они заранее объявляют компромиссом, «предающим интересы студентов» и в конце концов «бросающим их в руки предпринимателей». Троцкисты и маоисты, кричащие о «сговоре», на деле показывают свою полную неспособность использовать в интересах студентов конкретные условия борьбы, ее возможности и перспективы. ЮНЕФ критикует их отказ защищать студенческие требования и позиции за столом переговоров. Сектантская политика, требующая «все или ничего» и бойкотирующая переговоры, стоит в стороне от интересов студенчества и острой полемики, распространяет пустые иллюзии о возможностях студенческой борьбы, тем самым загоняя студентов, потенциально готовых к борьбе, в тупик изоляции и отказа от борьбы. Эта политика игнорирует возможность сегодня, сейчас, пользуясь поддержкой общественности и профсоюзов, предъявить требования студенчества.

...Общее факультетское собрание, на котором я присутствую, подходит к концу. Основная тема политического спора — это взаимоотношения студенческого и рабочего движения. «После демонстрации доспорим», — бросает кто-то в заключение.

У входа в метро на станции Жюсьё толпятся ребята с листовками. Мне досталась листовка ЮНЕФ. Крупные буквы заголовка призывают: «Власти должны уступить. Давайте действовать!» До отправления студентов Жюсьё к месту сбора всей демонстрации на площади Бастилии еще есть несколько часов.

В одноэтажных домиках около университета, где разместились бюро ЮНЕФ и Союза студентов-коммунистов, царит деловое оживление. Одни в последний раз сортируют транспаранты и плакаты, другие рисуют. Какой-то студент громко просит всех предъявлять членские билеты. Две студентки требуют, чтобы их сейчас же, непременно до начала манифестации, приняли в ЮНЕФ. На углу улицы, ведущей к площади Бастилии, толпятся участники предстоящей демонстрации. На каждом шагу я встречаю студентов, собирающих пожертвования в жестянки с крупными буквами «ЮНЕФ». Организация существует исключительно на скромные взносы своих членов. Больше всего денег требуется на типографию, ведь в одном только Жюсьё студенческий комитет печатает каждую листовку не менее чем семитысячным тиражом.

И вот наша колонна приходит в движение. В ней, пожалуй, тысяч пять человек, среди них немало и преподавателей.

На площади Бастилии десятки тысяч участников уже ждут прибытия все новых колонн от разных университетов Парижа и других городов. «Жюсьё прибыл! Нантер, кто видел Нантер? Дофин на горизонте!» Организаторы распоряжаются в рупоры, расставляют колонны по местам.

Сколько молодых лиц, безусловно, полно и школьников. Повсюду транспаранты, с помощью которых студенты остроумно,

[1] *Массовая профсоюзная студенческая организация.*

с фантазией высмеивают реформу. В центре толпы образуется как бы огромная воронка — раскупают журнал Союза студентов-коммунистов «Кларте».

Впереди, во главе демонстрации, выстроились ответственные за соблюдение порядка. Взявшись под руки, они растянулись поперек улицы от одного тротуара до другого. По нескольку таких рядов охраняют каждую колонну — это около двух тысяч человек. Такие меры предосторожности приняты организаторами на случай фашистских провокаций, которые во время демонстраций на предыдущей неделе привели к кровавым столкновениям с полицией. На этот раз наемным провокаторам не удастся исказить картину по заказу буржуазной прессы. Они, если рискнут появиться, схлопочут хорошую «баню». Но буржуазная пресса так и не дождалась «живописной» потасовки...

По широким бульварам течет черное море голов. Снова и снова студенты скандируют: «Предприниматели! Вон из университетов!»

Во многих кварталах Парижа метро выходит из-под земли на поверхность. Когда колонна демонстрантов шествует рядом, шум голосов перекликается с громким стуком колес, пассажиры в вагонах вскакивают с мест и приветственно машут студентам.

На многих перекрестках и в глубине улиц стоят подразделения полицейских в голубых комбинезонах и черных шлемах, вооруженные черными щитами, дубинками и карабинами, капсулами со слезоточивым газом. Улюлюканием и свистом отвечают студенты на их враждебный и устрашающий вид.

Когда колонна подходит к площади Денфер-Ришеро, метро начинает поглощать первых демонстрантов. Демонстрация закончена. Она продолжается еще с полчаса, пока, наконец, последние университетские отряды не расходятся по разным вокзалам. Тем временем по городу разъезжают полицейские машины, перекрывая одну улицу за другой. Студенты, ответственные за порядок, призывают поторопиться. Уже видны разрывы первых снарядов со слезоточивым газом. Я тоже поспешно ныряю в метро. Кому хочется, чтобы ему раскроили череп. На следующий день я узнал из газет, что некоторые, задержавшиеся на улице, были схвачены...

(«Роте блеттер», ФРГ)
Перевела с немецкого
И. ПОРУДОМИНСКАЯ

Пьер ОЛИВЬЕРИ, Жан РОЙ,
французские журналисты

ПОЧЕМУ ОНИ БАСТОВАЛИ

Реформа, якобы направленная на «упорядочение» системы высшего образования, в действительности рискует резко ухудшить профессиональную подготовку студентов и тем самым усугубить риск безработицы. Первое нововведение предусматривает сокращение на один год срока обучения большинства студентов с выдачей им вместо полноценного диплома так называемых «аттестатов». Это придаст образованию столь узкоспециализированный характер, что продолжать его впоследствии будет трудно, а то и вовсе невозможно. Эксперимент Лилльского университета уже сейчас ясно показал, чего можно ждать от подобных проектов. Здесь готовят теперь в основном «технарей» по сокращенным, «нацеленным» программам. Причем работой они будут обеспечиваться по заявкам местных предпринимателей — по контрактам, заключенным на определенный срок. А что потом? А что будут делать те из них, кого не охватят заявки?

Реформа предусматривает, что вопрос о том, в каком именно направлении вести подготовку в университете, должны решать «группы экспертов», где главная роль будет принадлежать предпринимателям. Подготовка по специальностям, которые в данный момент «не требуются» на местном рынке труда, будет вообще прекращена. А поскольку новые дипломы будут действительны лишь в течение пяти лет (после чего их необходимо «обновлять»), выпускники рискуют в конечном счете оказаться с ничего не значащим клочком бумаги на руках.

Во всеуслышание было объявлено, что проведение реформы ни в коей мере не означает выделения университетам дополнительных ассигнований. Таким образом, нехватка средств, от которой задыхалась высшая школа, лишь усилится. Понимая это, студенты Лилля во главе с университетским советом пригрозили, что в знак протеста блокируют магистральное шоссе. Они требовали кредитов, без которых университет не может нормально функционировать.

Иву 20 лет, он кончает второй курс отделения информатики на технологическом факультете Лилльского университета. «В конце года получу диплом программиста-аналитика. Одно из местных предприятий хочет перейти на электронное управление. Однако выполнять придется скорее всего не инженерную, а чисто техническую работу. В трудовых соглашениях дипломы в расчет не принимаются, так что хозяин волен усадить тебя на любое место и платить только тарифную ставку. Но и в этом случае считай, что тебе повезло. Можно вообще остаться без работы. Чтобы уговорить нас перейти на сокращенный курс обучения, нам надавали кучу обещаний. Но что получается на деле? Нас отправляют, так сказать, на склад».

Многие студенты уже закончили свое образование, так и не получив диплома. Они стали образованными чернорабочими. В основном это ребята из неимущего студенчества. 87 процентам студентов не платят даже мизерной государственной стипендии. У получивших же дипломы нет никакой гарантии найти работу. Даже учителем устроиться очень трудно — министерство просвещения недавно провело еще одно сокращение числа должностей, которые можно было занять по конкурсу. За два года были ликвидированы 30 процентов таких мест. Спрашивается: разве учителей избыток? Напротив, не хватает 87 тысяч. Удивительно ли, что в студенческой среде растет беспокойство за свое будущее, которое сулит безработицу? Студенты в известном смысле попадают в положение рабочих, которым грозит увольнение или закрытие фабрики. Так кризис, переживаемый страной, которую прибирают к рукам несколько десятков крупных финансовых и промышленных групп, не обошел стороной и университеты.

Родители Беатрисы (ей 19 лет, учится на первом курсе экономического факультета) в состоянии помогать своей дочери. «Отец работает в аппарате Европейского экономического сообщества, в Брюсселе». Но и она боится стать безработной. «Лучшие годы нашей жизни, годы приобщения к культуре, скоро пройдут, а где она, работа? Все так неопределенно...»

Колетта на втором курсе. Она из рабочей семьи, одна из немногих — поскольку хорошо смазанная система образования ловко, быстро, очень уверенно их отсеивает. Рабочие составляют 45 процентов активного населения страны, а высшее образование получают лишь 10 процентов. «В перерывах между занятиями изучаю стенографию и машинопись, — говорит Колетта. — Чтобы работать секретарем во время каникул, а может быть, и после...»

Другая студентка, Андрэ, учится, стараясь не думать о будущем. «Иначе все валится из рук».

Дени, Реми, Андрэ, Мишелю по двадцать лет, они занимаются на первом и втором курсе лилльской «Школы искусств и ремесел», крупного высшего учебного заведения, где инженеров «штампуют» за четыре года. Почти все они выходцы из мелкобуржуазных семей. Их родители — хранитель музея, заведующий отделом обучения заключенных в департаменте, учительница, рабочий-каменщик (у Андрэ). У будущих служителей «четырех муз» смутно на душе: «Четыре или пять лет назад выпускник нашей школы мог найти работу по своему профилю за пару месяцев. Теперь на это уходит шесть месяцев, а то и целый год. Раньше ассоциация бывших учащихся Школы сама находила места для тех, кто хотел устроиться с ее помощью. Дело было поставлено так солидно, что даже говорили о «мафии четырех муз». Теперь сами «старики» обращаются в агентство по трудоустройству».

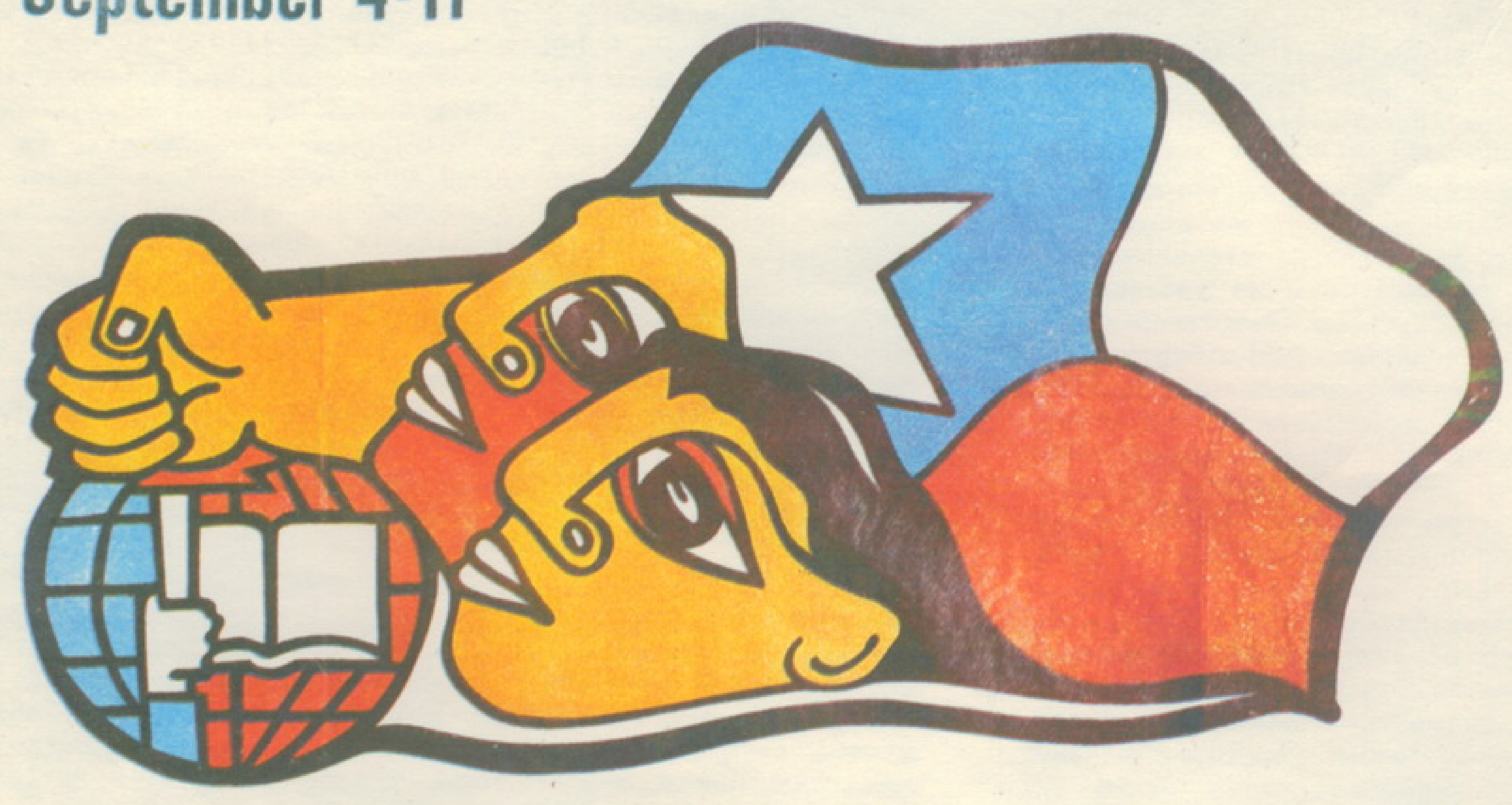
Беспокойство вокруг проекта новой реформы усиливается, поскольку ее цель — расчленить высшие учебные заведения на две категории — «центры совершенства», где предполагается готовить «мыслителей», то есть тех, кто будет учиться с перспективой, и «центры неполноценных». «Все ученье «неполноценных»,— говорит Реми, — сводится к овладению техникой дела, нужного хозяину предприятия лишь сегодня. Будут готовить, в известной степени, «домашних инженеров», которых по использовании выбросят. Ведь им, так сказать, мальчикам на побегушках, будет очень трудно угнаться за развитием техники».

Такова ситуация, и вряд ли найдется сейчас кто-нибудь, кто станет утверждать, будто студенческие выступления в январе и во время весенних каникул коснулись лишь меньшинства студентов. Движение «Нет — реформе», начавшись в январе, мало-помалу охватило всю страну. Забастовки произошли в 40 университетах и 50 технических институтах.

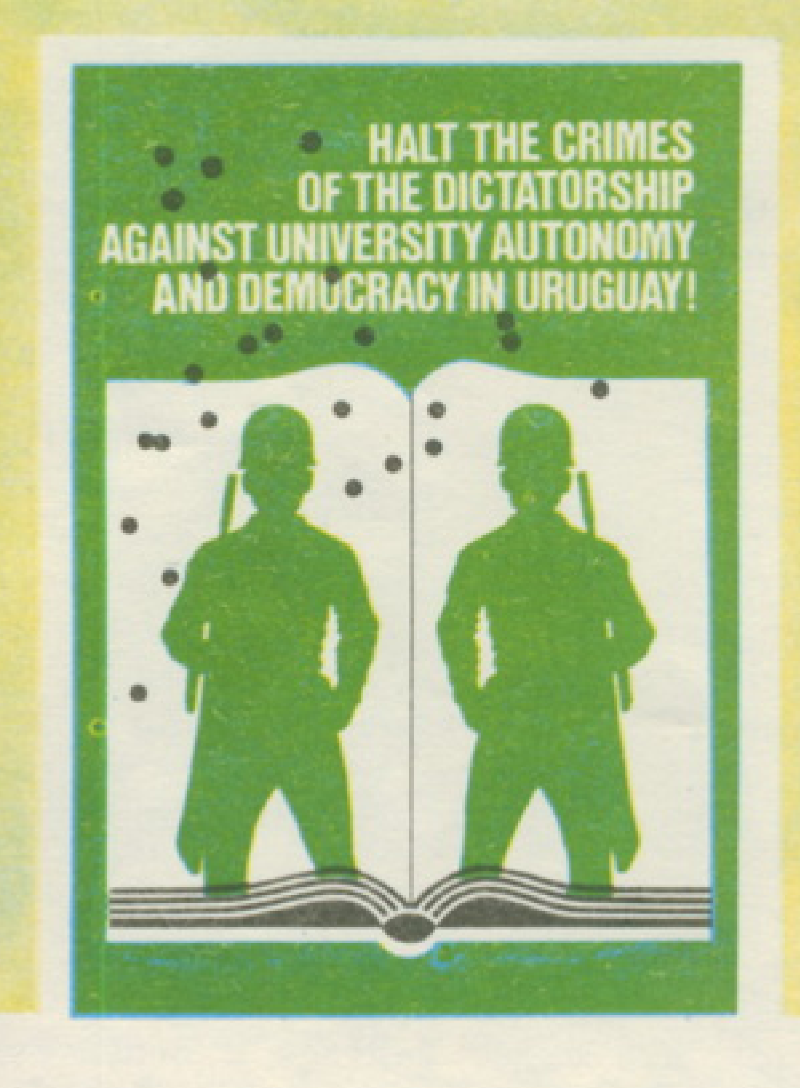
Эта волна выступлений стала отчасти результатом деятельности ЮНЕФ. Он продемонстрировал свою способность организовать подлинно массовую борьбу студенчества за точно сформулированные, справедливые цели, прибегая при этом к определенным, продуманным формам борьбы. Где они сегодня, «идеологи», заявлявшие, что студентов на улице днем с огнем не сыскать, рассуждавшие об их «покорности»? Что скажут теперь те, кто утверждал, будто ЮНЕФ не способен повести студентов на настоящую борьбу?

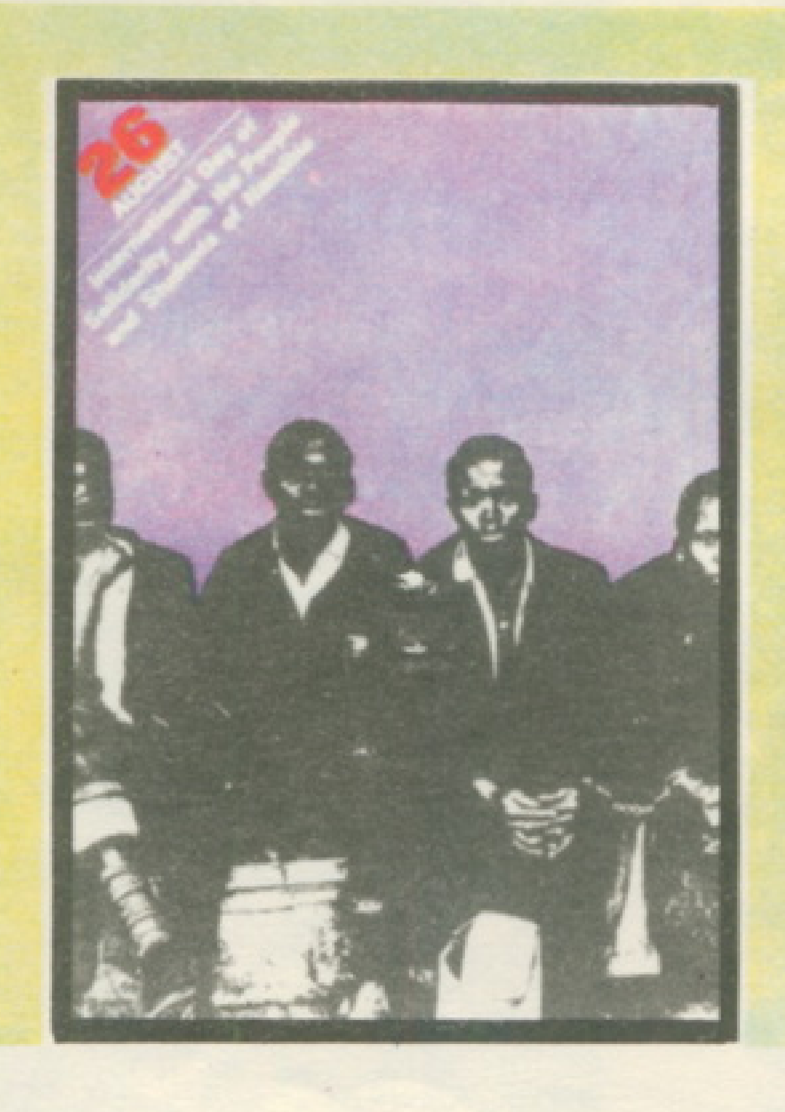
Много воды утекло после 1968 года. Но и сегодня мы видим стремление студенчества к переменам. Авторы этой статьи вспоминают, как Дени, студент-коммунист, произнес на собрании ячейки Союза студентов-коммунистов в Анаппе: «Социализм — это общество для студентов». Ну, разумеется, не только для студентов.

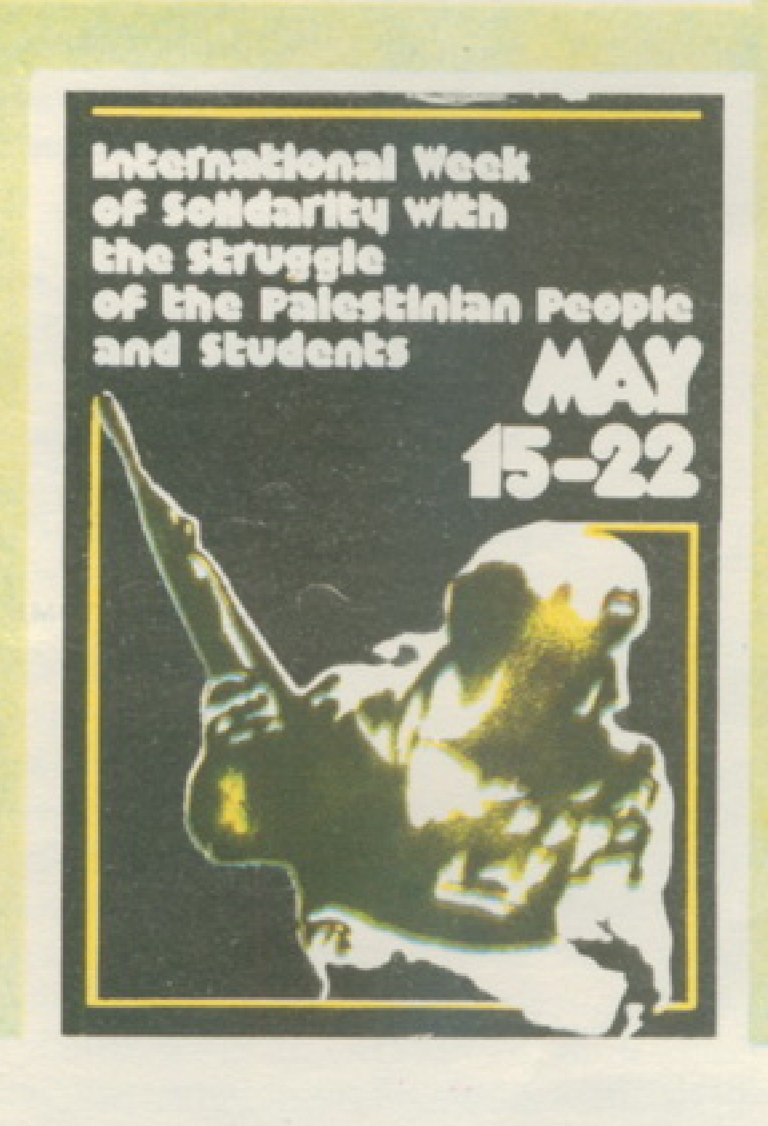
(«Юманите-диманш», Франция)
Перевел с французского Н. АКИМОВ

Особым успехом и признанием со стороны не только студентов, но всех людей доброй воли пользуются проводимые МСС акции солидарности с героической борьбой народов против гнуснейших порождений империализма — военно-диктаторских, фашистских, расистских режимов. Эти благородные действия МСС не могли не поднять престиж всего демократического студенчества в глазах передовой общественности Земли.

«МЫ ВМЕСТЕ, И МЫ ДОЛЖНЫ БОРОТЬСЯ СООБЩА»

Б. СЕНЬКИН

«Ты рабочий? — сказала она, широко открыв глаза. — Правда? Настоящий рабочий?»

Это Брижит, студентка Парижского университета, из романа Р. Мерля «За стеклом» (изданного у нас в переводе на русский в 1972 году). Ее изумлению, восторгу нет предела, словно перед ней какое-то экзотическое существо. Она и ее приятель Давид, тоже студент, окружают нового знакомого умильной до приторности заботой. Брижит даже сама спохватывается и пытается разобраться в себе: «Я заразилась от Давида. А Давид, хотя и не признает, сам впал в увриеризм (от ouvrier — рабочий. — *Ред.*). Он, конечно, подведет под это марксистскую базу, скажет: движущая сила, преобразующая общество, не студенты, а трудящиеся. Но это все в теоретической плоскости. А если говорить о стороне эмоциональной, причины совсем не в этом. На самом деле Давид питает почти религиозное почтение к рабочему классу. По отношению к рабочим Давид испытывает чувство вины, собственной неполноценности и любви».

В частном этом случае писателем подмечена большая общая беда многих «студентов-революционеров» образца 1968 года: весьма приблизительное, поверхностное знакомство с проблемами и чаяниями трудящихся классов. Свою собственную жажду

действий — каких угодно, только сейчас, немедленно, — свою, такую понятную жажду пострадать за идею — может, и недоформулированную, но благородную, революционную — они принимали за тот импульс, который подтолкнет рабочую массу на всеобщее восстание против системы эксплуатации человека человеком. Все, что находилось, как у Давида, «в теоретической плоскости» — и, главное, тезис о руководящей роли пролетариата в борьбе за социализм — отодвинулось у них на задний план под напором эмоций.

Мы говорим сейчас о тех, кто искренне отождествлял свое мировоззрение с пролетарским, но, усвоив из марксизма только отрывочные цитаты, не нашел поначалу общего языка с рабочим классом. Ибо они невольно оказались в позе менторов, а рабочие мягко, но твердо отвергли попытки поучать себя. Но были еще те, кого увлекли экстравагантные лозунги «новых левых», объявивших рабочий класс «обуржуазившимся», а студенчество — новым и единственно революционным «классом». (О «новой левой» идеологии и ее эволюции «Ровесник» писал в № 10 за 1975 год. — *Ред.*) Подобная позиция могла только усугубить некоммуникабельность между частью студенчества и рабочими. События в мае — июне 1968 года во Франции убедительно опровергли концепцию об «обуржуазивании» рабочего класса, об утрате им революционности. Если бы в те дни по стране не прокатилась лавина стачек и демонстраций трудящихся, если бы движение протеста осталось чисто студенческим, оно не имело бы таких значительных последствий ни у себя дома, ни за границей. Без преувеличения можно сказать, что рабочий класс преподнес тогда студенчеству великолепный урок солидарности.

В той или иной степени схожую ситуацию можно было в то время наблюдать и в других западноевропейских странах.

Этот краткий экскурс в не столь отдаленное прошлое может служить точкой отсчета для оценки современного состояния студенческого движения и его взаимоотношений с демократическими силами, с их авангардом — рабочим классом. Ибо, как известно, все познается в сравнении.

Удобнее вести разговор на примере какой-нибудь одной страны. О бурных событиях в студенческой жизни Франции вы уже прочитали в предыдущих репортажах. «Ровесник» недаром использовал для рассказа о них материал, напечатанный в западногерманском студенческом журнале, который командировал в Париж в разгар событий своего специального корреспондента. Этот репортаж, один из многих подобных, появившихся в те дни на страницах прогрессивной студенческой и молодежной печати ФРГ, сам по себе показывает, с какой заинтересованностью и сочувствием следили западногерманские студенты за борьбой своих товарищей в соседней стране. Больше того, он раскрывает сходство целей, за которые выступают как французские, так и западногерманские студенты. Это касается в первую очередь борьбы против все большего подчинения высшей школы интересам монополий. Конечно, у студенчества ФРГ много своих специфических проблем. И нас здесь будет интересовать главным образом то, как западногерманское студенческое движение подходит к их решению, считает ли оно себя способным решить их только своими силами или ищет союза еще с кем-то и с кем именно. Обратимся к фактам из студенческой жизни в ФРГ на протяжении прошедшего учебного года.

Эпизод первый. «Упрямцы» из Ольденбурга

«Многие требования рабочих прямо соприкасаются с нашими. Скажем, рабочая молодежь добивается демократизации образования. Значит, потребуются тысячи новых учителей, а они сейчас как раз ищут и не могут найти работу».

Райнер Крингс, заместитель председателя марксистского союза студентов «Спартак» [1]

Точка соприкосновения может быть не обязательно такой, о какой говорит для примера Райнер Крингс. Но факт, что они, интересы студентов и рабочих, соприкасаются.

...В один июньский день этого года прохожие на улицах Ганновера, центра земли Нижняя Саксония, наблюдали необычайный наплыв велосипедистов. Их было с тысячу человек. На соревнования это не было похоже, люди ехали не торопясь. Да и спортивной выправкой многие из них не отличались. Впрочем, сказать, что к спорту эта процессия не имела вообще никакого отношения, тоже было бы неверно. На некоторых полотнищах и щитах, которые везли велосипедисты, были надписи, из которых следовало, что у студентов Ольденбургского университета нет ни толкового стадиона, ни спортзалов. Но это, конечно, не главное, что могли узнать прохожие из плакатов «велодемонстрации». Студентов куда больше волновало, что местное правительство, состоящее из христианских демократов, поставило крест также на строительстве корпуса для естественнонаучных факультетов, на закупке оборудования для лабораторий, на создание университетской библиотеки. Мечты студентов о своей столовой тоже останутся мечтами... Если не сломить упорство властей. За этим они и приехали на митинг в Ганновер — студенты и преподаватели Ольденбургского университета, представители солидарных с ними студенческих общин Эмдена, Вехта и Оснабрюка, а также многих рабочих коллективов.

«Разумеется, мы не рассчитываем, что после этой демонстрации на нас прольется золотой дождь из Ганновера, — говорит журналисту студент Уве Кёстер. — В конце концов, сокращение ассигнований на планировавшееся развитие нашего университета — только звено в цепи мероприятий, направленных против высших школ и университетов в целом по стране. Но бороться мы будем, мы упрямы. То, что вы видите, только начало».

Участие представителей рабочих в демонстрации и митинге ольденбуржцев не удивило никого — ни ганноверских прохожих, ни журналистов, ни политиков. Из газет уже было известно, что предпринятая ганноверским кабинетом «акция экономии» бьет по интересам всего трудового населения Ольденбурга. Работниками университета было подсчитано, что из-за сокращения ассигнований количество мест в университете вместо запланированной и утвержденной ранее цифры 9900 сократится до 5000. Далее, эта «экономия» означает:

— потерю 2400 рабочих мест, из которых более 60 процентов относится к сфере услуг;

— недобор местной ольденбургской промышленностью 140 миллионов марок ежегодно (поскольку контингент покупателей не возрастет, как намечалось) и в связи с этим потерю дополнительно 500 потенциальных рабочих мест;

— отмену подрядов для местной строительной промышленности на сумму 65 миллионов марок, что, в свою очередь, перечеркивает перспективу расширения занятости на 850 рабочих мест ежегодно.

Вот такая получилась картина. Простому ольденбуржцу, выходит, не может быть безразлична судьба университета, даже если он там не учится. Естественно, что столь убедительные выкладки — лучший аргумент в поисках союзников, а без союзников, как чувствуют студенты, им не обойтись.

Эпизод второй. Дело было в Марбурге...

«У нас в Марбурге сотрудничество с рабочей молодежью уже, пожалуй, стало традицией. В прошлом семестре мы вместе с рабочими составили первомайское воззвание. Вот за это, то есть фактически за то, что мы осознали свою политическую миссию, на наш комитет наложили по суду штраф в 2 тысячи марок...»

Бернд Лёв, член Объединенного студенческого комитета Марбургского университета

Все началось с этого штрафа, хотя в тот момент никто не мог предвидеть бурю, которая разразилась много позднее, в ноябре...

Волнения, происшедшие в Марбургском университете в конце прошлого года, освещала вся западногерманская печать. Это было настоящее боевое испытание для демократического студенчества и его организаций, экзамен на политическую зрелость, дисциплинированность, выдержку. Но, быть может, тот большой резонанс, который эти события получили по всей стране, объясняется не в последнюю очередь еще и тем, что произошли они не где-нибудь, а в Марбурге, старинной обители «духа буршей». Различные газеты — кто со скрытой ностальгией, кто с нескрываемой радостью, в зависимости от политического лица — констатировали, что дух этот по нынешним временам совершенно выветрился. Не назовешь же его носителями жалкую кучку из двух-трех десятков не то хулиганья, не то платных провокаторов, безуспешно пытавшихся завязать потасовки, чтобы дать полиции повод «изолировать» студенческих вожаков. В былые времена, в марте 1920 года, отряды марбургских буршей, накачавшись пивом и горланя «О, братство старых буршей», шли с кастетами на бастующих рабочих. В менее отдаленные времена «холодной войны» и «охоты на красных ведьм» студенческий комитет Марбурга, в котором безраздельно властвовали правые, организовывал факельные шествия под реваншистскими лозунгами. Сегодня марбургские студенты, скандирующие «Действует АСТА — и баста!», защищают избранный ими комитет (сокращенно — АСТА), которым руководят представители «Спартака» и Социалистического союза высшей школы.

Итак, все началось со штрафа. Административный суд наложил его на студенческий комитет за то, что последний, ввязываясь в

[1] *Здесь и далее в качестве эпиграфов использованы высказывания участников «круглого стола» в редакции журнала «Роте блеттер», издаваемого «Спартаком» (союз «Спартак» был создан в 1971 году).*

«большую политику», занимался якобы не своими делами. Но комитет продолжал считать своими кровными делами и поддержку выступлений рабочего класса ФРГ, и солидарность с патриотами Испании, и акции в защиту демократов Чили. И комитет затаскали по судам. Жалобы неизменно подавал студент Вольф, сын профессора юриспруденции Вольфа, человека, по отзывам печати, «крайне правых воззрений». И жалобы неизменно удовлетворялись, так что «штрафной счет» органа университетского самоуправления возрос к осени до 22 тысяч марок. Тогда-то под напором энергичного профессора юриспруденции и его единомышленников ректор университета и министерство по делам культов земли Гессен (в чье ведение входят вопросы культуры и просвещения) лишили комитет политического мандата, то есть права представлять марбургское студенчество. Попросту говоря, комитет был объявлен распущенным — на том основании, что взносы студентов он тратил на выплату штрафов. Для исполнения функций комитета в университет направлялся государственный комиссар. С этого момента события в Марбурге принимают бурный оборот.

Как только весть об отстранении комитета облетела студенческий городок, возникла спонтанная демонстрация протеста, собравшая две тысячи человек. Еще семьсот студентов столпились перед зданием, где работал их комитет, с твердым намерением не допустить туда государственного комиссара. В ответ университетское начальство отключает в помещениях комитета свет и телефон. В тот же вечер две тысячи студентов, устроив «предварительное голосование», высказываются за подготовку всеобщей забастовки в защиту своего комитета. Несколько дней спустя лагерь сторонников решительных действий насчитывает уже шесть тысяч человек. Университет гудит как растревоженный улей. У входа в комнаты комитета круглые сутки дежурят специальные наряды студентов. Комитет работает при свечах. Начальство наложило запрет на его фонды, но он срочно выпустил собственные «спецмарки», которые студенты быстро раскупают. В разные адреса по всей стране — студенческим комитетам, советам представителей рабочих и служащих на крупных предприятиях, штаб-квартирам профсоюзов, молодежным организациям — полетели телеграммы с призывом к солидарности.

И волна солидарности не заставила себя ждать. Свою поддержку марбургскому студенчеству немедленно высказали более ста других вузовских комитетов. Руку солидарности протянул рабочий класс страны. Нескончаемым потоком приходили в Марбург послания от различных профсоюзных организаций, молодежных отделений профсоюзов, советов представителей рабочих на предприятиях. Борьбу западногерманских студентов за свои права приветствовали антифашистские организации Чили и Испании, Греции и Португалии. В их поддержку выступил и МСС.

13 ноября 6985 студентов прошли мимо урн для голосования. Итог: 82,4 процента — за забастовку. Во вторник 25 ноября у всех зданий университета встали пикеты с транспарантами: «Сегодня — активная забастовка», «Демократически избранный студенческий комитет продолжает работу». В аудиториях идут дискуссии о том, что означают посягательства на демократические права студентов в нынешней обстановке, о прямой связи этих посягательств с наступлением монополий на права рабочего класса и его организаций, о кризисе образования как составной части общего кризиса капиталистической системы.

В одном из лекционных залов Вольф-младший с дружками, нацепившими для устрашения бляхи «клуба карате», пытается сорвать дискуссию. Драки не получается — их спокойно выставляют из зала.

Придя в университет на следующий, заключительный, день забастовки, студенты наткнулись на запертые двери и полицейские наряды. Это только подлило масла в огонь. Девять тысяч бастующих с плакатами и транспарантами направились в город. Это было в среду. В четверг же, по сообщениям печати, состоялось экстренное совещание правительства земли Гессен, университетского начальства и чинов юстиции. Заседали за закрытыми дверями... Чувствовалось, что власти готовы отступить. Нужен был последний аккорд, еще одно усилие. И вот в пятницу улицы тихого Марбурга запрудили демонстранты. Это была манифестация солидарности с марбургским студенчеством, созванная вузовскими комитетами и рабочими организациями земли Гессен. 10 тысяч демонстрантов — это, по отзывам очевидцев, необычайно много для такого городка, как Марбург. Такого мощного шествия его жители никогда не видели. Рабочие и студенты шли вместе.

А вечером того же дня студенты праздновали победу. Их комитет был восстановлен в правах. Правда, «впредь до особого распоряжения». Но все же это была победа! Газета западногерманских коммунистов «Унзере цайт» свой репортаж об этом дне в Марбурге закончила так: «Вот важнейший вывод, который сделали для себя студенты: без солидарности со стороны организованного рабочего класса мы бы никогда не добились этого успеха».

Эпизод третий. «Подайте бедному миллиардеру!»

«Демонстрантами владело общее чувство: мы вместе, и мы должны бороться сообща. Да, это было очень убедительно... Одно из главных достижений демонстрации в Дортмунде 8 ноября в том и состоит, что мы показали: и в обстановке кризиса нужно и можно бороться и защищаться».

Вольфганг Герке, председатель Социалистической немецкой рабочей молодежи (СНРМ) [1]

Манифестация, о которой говорит Вольфганг Герке, была самым крупным выступлением трудящихся ФРГ в 1975 году. Ее целью было, образно говоря, слить в единый хор требования всех отрядов рабочего класса, трудовой интеллигенции и учащихся в защиту своих экономических, социальных и политических прав. От студенческих организаций в Дортмунд приехало 10 тысяч человек. Вот что писала тогда газета «Дойче фольксцайтунг».

«Толстяк в кожаной тирольке чертыхается: «И откуда вас столько взялось! Прямо великое переселение народов». Он безуспешно пробует протиснуться в здание железнодорожного вокзала Дортмунда. Но из дверей на улицу вытекает бесконечный поток людей. С 9 часов утра 8 ноября центральный вокзал этого знаменитого своим пивом города земли Северный Рейн — Вестфалия служит сборным пунктом крупнейшей за последние годы демонстрации. Руководство Объединения немецких профсоюзов (ОНП) рассчитывало, что соберется до 20 тысяч человек. Но приехало больше 50 тысяч. Они здесь, чтобы выразить протест против массовой безработицы, чтобы защищать права рабочих и добиваться улучшений в системе профессионально-технического обучения. Семью спецпоездами и 300 автобусами прибыли они, люди разных профессий и возрастов, из разных земель Федеративной Республики. По неофициальным подсчетам полиции, их даже не 50, а 70 тысяч.

9 часов утра. Первые колонны трогаются в путь. Конечный пункт маршрута — зимний стадион «Вестфалленхалле», вмещающий 25 тысяч человек. На тротуарах сплошной стеной толпятся прохожие. Продавцы магазина «Торговля зеркалами Фляйшманна» вывесили наскоро написанный плакат: «У боссов лопаты — грести миллиарды, у нас ложки — для пустых тарелок». Вот идут несколько молодых людей в черных фраках и цилиндрах. Они из профсоюза торговых, банковских и страховых служащих. Изображают своих хозяев — Шлейера, Зола и компанию: «Подайте бедному миллиардеру!»

Настоящий лес транспарантов и плакатов. Разглядеть, что там подальше, впереди, просто невозможно. Впрочем, вот образовался прогал. Можно увидеть колонну студентов-биологов из Марбурга, а вон группа, представляющая студентов Ланштадта. «Наша борьба за лучшие условия учебы — общее дело!»

У входов в «Вестфалленхалле» образовались заторы — лестницы слишком узки. 11.30, а зал уже забит. Последние же колонны еще находятся где-то на полпути...»

Спустя три дня после дортмундской манифестации журнал «Роте блеттер» организовал разговор «за круглым столом». С некоторыми высказываниями участников этой беседы вы уже познакомились. Но разбор итогов и уроков дортмундской демонстрации не ограничился констатацией только отрадных факторов. Поскольку это был деловой, объективный разбор.

«Давайте рассуждать трезво, — сказал Вольфганг Герке, — в демонстрации участвовала лишь часть молодежи, а есть еще молодые люди, которые пока не пришли к убеждению, что бороться можно даже в тяжелой обстановке кризиса». Все выступавшие отметили, что раньше никогда не видели такого дружного сотрудничества между рабочей молодежью и студенчеством. «И все же, — заметил Райнер Крингс («Спартак»), — по крайней мере среди студентов все еще недостаточно осознан тот факт, что у студентов и рабочей молодежи очень много общих интересов и что рабочая молодежь — важнейшая в нынешнем обществе сила, борющаяся за демократическую реформу образования».

Как отмечали участники «круглого стола», наиболее крупные успехи в организации совместной борьбы достигаются тогда, когда во главе рабочих и студентов идут марксистско-ленинские союзы. Их четкие классовые позиции становятся все притягательнее для молодежи и студенчества в странах капитала.

Пусть у части студенчества представления о социализме порой еще незрелы и утопичны, но налицо стремление отвергнуть порядки, нормой которых является духовный и экономический гнет капитала. Налицо поиск преобразований, ведущих к демократическому общественному устройству, к социализму. В этом поиске студенчество неизбежно включается в классовую борьбу, постигая перспективность совместных с рабочими действий.

---

[1] *Марксистско-ленинская организация рабочей молодежи ФРГ, созданная в мае 1968 года.*

Их самолет пока еще на земле, но все равно это самолет, и он уже почти умеет летать. А впереди еще лето, дом, родные; впереди, наконец, еще годы учебы, годы общего труда и тесной дружбы с советскими друзьями. Разными будут у этих кубинцев порты назначения. Но общий порт, тот, из которого все они вылетели, останется один — гостеприимный киевский институт.

Ю. ЛЕКСИН

Фото П. СТАРОСТИНА

ПАРОХОД УХОДИТ В ЧЕТВЕРГ

Выпускники одного из очень больших наших институтов — Киевского института инженеров гражданской авиации — уже сейчас работают в шестнадцати крупнейших авиакомпаниях мира. Учатся же в нем студенты из многих стран мира. Есть там и кубинцы.

Наш корреспондент выбрал не самое удачное время, чтобы беседовать с ними, — шла экзаменационная сессия. Больше того, до отъезда домой — на каникулы — им оставалось сдать последний экзамен...

Фидель Батиста. Первый пассажир

— А почему не на самолете, Фидель? Дорого?

— Да. Наши все плывут. И взять можно больше. Чуть ли не пятьдесят килограммов можно взять.

— Книги?

— Да, в основном книги. Еще проигрыватель...

— И сколько же плыть?

— Долго. Две недели. Шестнадцать суток.

«Ужасно долго», — думаю я. А может, и ничего. Шестнадцать раз просыпаться в океане. Небо и вода. И потом, это же не просто плыть — домой, и если у тебя хоть немного созерцательный взгляд на вещи, то кто знает — может быть, это плавание станет воспоминанием на всю жизнь. «Когда я первый раз пересекал океан... Мы плыли тогда из Европы домой. Помню, я как раз окончил второй курс в киевском институте. Это было... Уж не в семьдесят ли шестом году?..»

Декан иностранцев был недоволен, что я приехал как раз в эти дни, и не скрывал недовольства. Он знал, что он прав, и знал, что я это тоже знаю. Только что у кубинцев брали интервью из другого журнала, потом были «киношники». «Неужели вы думаете, что они будут рады вам?» — прямо спросил он. Я так не думал, и тогда декан стал говорить, уже смирившись, о том, что «ребятам и без того трудно, а они хотят сдавать все

хорошо, очень хотят». «Вообще из соцстран ребята учатся хорошо, как правило», — говорил он. И, слушая его, я видел, как он охраняет их, пытается охранить от всего, что мешало бы им, и вот сейчас ему надо было охранить их от меня, а он не мог этого сделать.

Мы сидим с Фиделем на скамейке в киевском парке. Мимо бесшумно катят коляски. Ветер в листьях. Деревьев так много, что Киев не кажется Фиделю городом. «Какой это город, — улыбается он. — Вот еду я действительно в город. Одни дома. Огромные». Ему остался один экзамен — высшая математика, и до четверга — пять дней.

— И что ты будешь делать все это время, Фидель? — Я говорю о шестнадцати днях в океане.

— Буду думать, что скоро приплыву, — отвечает он.

На Кубе, говорил Фидель, куда меньше времен года — нет весны, осени. Деревья раз в году не вспыхивают там одновременно и не гаснут, как свет в огромной комнате; они расцветают там в лишь заметной им очередности, потом кто-то из них отцветает, но зажигаются другие. Фидель говорил «кто-то». Он не знал деревьев. Они существовали для него как острова — множество островов вместе.

— Куба — это только один остров, — говорил он. — Их у нас две тысячи — маленьких, без названий. Может, люди и называют их как-то, но каждый по-своему. От этого получается, что их еще больше — сколько людей...

Вечером перед выходным днем они обычно собирались на один из таких островов. Их остров был без названия. Собирались все: мама, папа, брат Фиделя — он на два года его младше, еще бабушка и дедушка, дядя и тетя. У дяди была большая лодка. Собственно, лодка есть и сейчас, но Фидель говорит «была», потому что это происходило два года назад, и если будет еще, то только после четверга и еще после шестнадцати дней.

— Так это катер у него, что ли?

— Ну да. Что-то вроде. — И, словно оправдываясь, Фидель добавляет: — Он совсем простой человек — дядя. Рыбак.

Еще была палатка — ее брали напрокат. Очень большая, в маленькой они бы не поместились, так их было много — ведь еще присоединялись и знакомые. Палатку ставили, и она оставалась там на все лето. Так было удобно. На пляже под городом оставлять палатки уже не разрешали — слишком много их набиралось, а на островах — пожалуйста.

Остров, конечно, выбирал дядя. И едва лодка утыкалась в песчаный берег, все разбредались по своим делам. Можно было охотиться: на островах среди маленьких гор водились козы. Но Фидель предпочитал ловить рыбу. Ему приятно было, что почти сразу что-то попадалось и можно было отнести добычу бегом к палатке. Там мама уже готовила еду для всех.

— Потом, когда собирались все, мы доставали из лодки пиво, немного рому... То, что привозили с собой.

Фидель вспоминал все это, опустив взгляд, наверное, ему так больше казалось, что он или наедине с собой, или там — на острове.

— А утром, в понедельник, мы все бежали, — говорил он, так и не поднимая взгляда, — кто на работу, мама с папой, а я — в школу.

Он все время говорил «мама» и «папа» и вряд ли потому, что не знал русских слов «отец» и «мать». Я же, глядя на него, представлял, как он бежит в понедельник в школу. Он и сейчас, два года спустя, был невысокий, даже маленький, и легко было представлять его тем учеником, по понедельникам утром бегущим в школу.

Ожидая чего-то необычного, я спросил его, как он попал в киевский институт: ведь надо было выбрать эту профессию. Мне всегда казалось, что нельзя так просто попасть близко к самолетам, тем более случайно.

Оказалось, все куда проще. Фидель кончил школу, и ему предложили учиться в Советском Союзе. Вариантов было несколько. Он выбрал текстильный институт — «легче учиться». Но потом их повезли на экскурсию на текстильную фабрику, чтобы они своими глазами увидели, что их ждет.

— Это было хорошо, — сказал Фидель. — Вообще было бы хорошо показывать вот так каждому человеку его профессию и давать возможность отказываться от нее.

Фидель отказался, и теперь — вот уже два года — ему было очень трудно, а дальше, как говорили, будет еще трудней — пойдет «специальность», и все-таки было бы даже глупым спрашивать его, не жалеет ли он о своем выборе. Я спросил, как он смотрит сейчас на тех, кто выбрал тот — «легкий» — институт. Фидель смутился, потому что то, что он думал, было далеко не в пользу тех, кто выбрал «легкий», и не в пользу его самого — того, прежнего, о котором он сам же и рассказал мне. Но он справился с желанием вот так взять и сказать о них плохо только потому, что он уже не среди них.

— Я думаю, что мне сейчас как надо. Как должно быть, — ответил он.

— Хорошо?

— Как надо, — продолжал настаивать он на своем, и это следовало оценить: именно не «хорошо», а как должно быть, и поэтому хорошо.

После первого курса домой они не ездили. Надо было, чтобы институт стал их домом, а дом становится родным, когда в нем живут, не покидая его и не тяготясь его заботами. И значит, к дому надо было привыкнуть и, как говорил тот же декан, «узнать его». А «дом» был большой, и даже тот колхоз под Киевом, куда их возили после первого курса на все лето — там росли арбузы, тоже становился их домом. Фиделя особенно поразило там, что у полей не было края. Потом он привык к этой бескрайности, неожиданно поняв, что это как в полете, когда идешь невысоко над землей и облака скользят лишь над тобой. Уже тогда с ним случилась эта странность: языки смешались в нем — родной, русский, украинский, и он уже не понимал, не отдавал отчет тому, как переходит один в другой. Он только помнил, что начинающие именно от этого и мучаются — от того, что каждое слово сверяют со своим — родным. Он же не заметил, как счастливо потерял это мучение. Он и сейчас говорил «гарбузы», и когда я сказал ему об этом, рассмеялся.

Вообще же его не удовлетворяло его знание русского. И даже не потому, что он чего-то не понимал на лекциях или просто в разговорах. Его уже прельщало максималистское рассуждение, что если уж что-то знать, то до конца.

— И потом, — рассуждал он, — не хочется о таком думать, но в нашей профессии мало ли что может быть — а если травма какая... И все, конец. Тогда можно будет хоть переводить...

— Экзюпери не читал? — спросил я его.

— Нет. А кто это?

— Так, француз... Похоже, он тоже готовился к тому, что всякое может быть.

— Ты знаешь, нам трудно читать художественную. Техническое все уже понимаем просто отлично, а тут одну книжку взял — небольшая, а я ее две недели читал. Он летчик — тот?

— Да.

Убальдо Кастильо. Второй пассажир

Убальдо пришел к разговору вторым. Он знал время встречи, но засиделся в читальне. Похоже, было даже не так. Ему хотелось что-то кончить, и он заканчивал, твердо зная, что это куда важнее, чем любые разговоры. Это была та необязательность, которая делает достойными истинно деловых людей. Он был таким.

Вот уже четыре года он вставал по утрам в шесть, что бы ни случилось. Вставал и начинал заниматься. Столовая открывалась в восемь, но во время сессии Убальдо, не завтракая, занимался до девяти, а то и до половины десятого. Убальдо знал цену утренним часам, давно поняв, что они есть самые лучшие, чтобы смотреть вокруг себя. Сейчас для него это были книги.

Едва в нем пропадала утренняя ясность, он шел купаться. Не умываться, а именно купаться. Потом, не торопясь, отправлялся есть, чтобы в десять уже быть в читальне — она и открывалась как раз в десять. Там он был до шести.

Как-то однажды врач при осмотре намекнул ему, что у него может появиться язва, и теперь ему прибавилась еще одна забота — беречься. Я заметил это по тому, как в разговоре он хотел курить, вертел в пальцах сигарету и не закуривал так долго, пока уже попросту не выдерживал. Впрочем, обыкновенные в таких случаях советы врача — меньше пить, соблюдать режим — не были для него обременительны. Он лишь слегка недоумевал, почему возможная болезнь избрала именно его — ведь он куда меньше других ее «заслуживал». Даже курить он начал недавно.

— Не болит? — спросил я его.

— Нет.

(На другое утро я действительно застал его в столовой в половине десятого: он брал кефир.)

На Фиделя же он смотрел именно так, как и положено смотреть студенту четвертого курса на второкурсника: Убальдо был снисходителен с ним, чисто по-студенчески полагая, что два курса, уже пройденные им и еще не пройденные Фиделем, как раз и дают ему основание для снисходительности. Возможно, в чем-то он и был прав. Воспоминания Фиделя о доме тревожили и его, мешая ему жить так, как он наметил себе жить в течение всех шести лет. К тому же он сам пережил эти воспоминания.

— Он первый раз после двух лет едет домой, — говорил мне Убальдо, глядя на молчащего Фиделя. — Вы даже не представляете, что он переживает... В нашей семье восемь детей. Я как приехал, начал писать всем по очереди. Каждому в отдельности... Написал всем по письму, по большому, и начал снова. Потом вспомнил всех знакомых. До последнего. Получилось, что я еще могу писать. И я писал. А этого нельзя делать. Ни в коем случае нельзя! Так затягивает, что начинаешь думать только о доме.

Убальдо говорил это мне, но похоже, что на самом деле предназначалось все это Фиделю. Похоже, я присутствовал при разговоре, который они вели вот уже два года.

— Пропадают занятия, — говорил он. — Живешь как в тумане. Как я думал о доме на втором курсе! А надо не думать — привыкнуть, привыкнуть, привыкнуть. Только так можно, — настаивал он. — А сейчас, — сказал он с гордостью, — я только раз сказал Фиделю: «Фидель, до дома осталось два-

дцать девять дней. Двадцать девять...» Больше никому. А вот уже четверг скоро — через пять дней, а я не говорю об этом никому.

— А мне, Убальдо?

— Ну, вы не в счет. Вы хотите это слышать.

Фидель не проронил при этом ни слова, только вроде стал еще меньше — ссутулился. Впрочем, рядом с Убальдо многие смотрелись маленькими. Если в авиации существует какой-то «естественный отбор», то Убальдо попал в нее по праву: высокий, стройный, иссиня-черный, с совершенно спокойным взглядом больших глаз. Спокойствие и было тем самым превосходством, которое поначалу казалось лишь чисто студенческим преимуществом старшекурсника. Он-то уже летал в самолете, чувствуя себя причастным к полету как к своей профессии.

— Мы летели в Ташкент, — рассказывал он. — На практику. До этого я ощущал всегда одно: тебя везут, и ты ничего не понимаешь. Даже стыдно сейчас вспоминать себя таким. Совсем беспомощный... Поэтому, наверное, пассажиры всегда стараются читать. Или разговаривают. Или спят. Чтобы спрятаться от своего непонимания. А я летел уже не как пассажир. Шевелились закрылки — и я знал, зачем это; потом крен — и я знаю, могу предположить, на сколько градусов нам надо довернуть, я даже могу думать, зачем это нам нужно... А посадка... Мне даже казалось, что это я сажал... Вы знаете, что самолеты бьются как раз в это время — на взлете и на посадке?

— Кто ж этого не знает, Убальдо.

— А почему?

— Да трудно потому что... Наверное.

— Это переход из режима в режим. Скольжение по многим режимам — по бесчисленному количеству их. Но я не о том, что бьются...

— А если по вашей вине, Убальдо?.. Вот так однажды... Вы уже инженер. Предположим. И вот однажды... Что тогда? Вы задумывались над этим? Когда шли сюда?

— Будет трагедия... Я не стану даже предполагать этого. Нельзя думать об этом. Будет хуже.

— Может, вы правы... Вы хотели о другом.

— Да, — оживился он. — Вот начинается специальность. После второго курса. И вся «начинка» самолета начинает понемногу быть для тебя ясной. И то, что ты проходил раньше, тоже начинает приобретать смысл. Я не знаю даже, какой пример привести. Любой. Вот амперметр... Кому он не ясен? Проще простого. Но попробуйте рассчитать, предположим, новый его размер, учтите новые материалы, потом сочетание их — а это как раз все и может потребоваться, и не только это. И вот оказывается, что амперметр, который ясен любому школьнику, уже надо словно изобретать заново. Трудно передать это. А ведь это элементарная вещь — всего-то амперметр.

Наверное, и это тоже был их давний разговор, разговор профессионалов. У нас же был уже третий собеседник.

Франк Фуэнтес. Третий пассажир

В кубинском паспорте не пишется национальность. Для недавно прибывших есть специальная графа, вообще же указывается вот что: можно сделать это применительно к Франку Фуэнтесу — цвет кожи — белый; цвет волос — черный; цвет глаз — к сожалению, не рассмотрел.

На Кубе школа двенадцатиклассная. Он кончил десять, потом надо было идти в армию. Там он пробыл три года, но в это же время ему удалось закончить школу.

— Потихоньку кончал, — сказал Франк. — За три года два оставшихся класса — даже как-то незаметно получилось. Легко.

Франк всегда и очень (в отличие от Фиделя и Убальдо — Убальдо тоже хотел попасть в какой-нибудь институт легкой промышленности, «куда угодно, кроме медицинского, — вот чего не любил, так это медицину») хотел попасть именно в авиацию.

— Брат был в авиации, старший... Работал в диспетчерской аэропорта. Он мало рассказывал о своей работе, но я завидовал ему. Я сразу решил: «Буду, как ты. Но не скажу тебе об этом, пока это действительно не случится».

А этого и не случалось. Просто потому, что в то время, когда Франк служил, на Кубе в основном была военная авиация, а Франк не хотел продолжать свою военную карьеру. И он тихонько забыл о том, что решил так твердо. К тому же вскоре он занялся подводным плаванием (от этого у него и сейчас были плавные движения чуть полных рук, словно не жестикулировал, а плыл в неторопливой воде и не торопясь).

— Я полюбил всех этих животных — морских. Такие странные. И их нельзя потрогать: дотронешься — и они становятся совсем другими, словно это и не они. И растения... Таких нет на земле.

— И сейчас любишь? — спросил я.

Франк растерялся. Такого вопроса ему не задавали много лет. А может, и вообще не задавали никогда.

— Тоже, наверное... Только я больше о них не вспоминаю.

«Жалко», — подумал я.

Так он решил стать океанографом. Для этого надо было поступать на географический факультет университета в Гаване. Поступить туда было трудно, но Франк не терял надежды.

Помешал случай. Ему предложили поехать учиться к нам, и Киевский институт инженеров гражданской авиации для Франка стал просто находкой. Настолько огромной, что он молчал и никому не говорил об этом. До тех пор, пока не поступил в него.

Теперь он трезво наслаждался выполнением своей мечты. Казалось, он не получал от этого того тайного удовольствия, какое получал Фидель, помнивший, что он победил себя; больше того, он не показывал и не стремился показать того наслаждения от самого процесса учебы, которое стало главным для Убальдо; Франк просто жил, совершенно ясно сознавая единственное: то, чего он хотел, случилось.

Я спросил его:

— Твоими стараниями или как?

Спросил потому, что не знал, как же все-таки сам Франк относится к тому, что сбылось его желание: как к везению или все же по-другому?

Франк долго взвешивал ответ, потом сказал:

— А все-таки я долго хотел этого. Теперь уже можно об этом говорить.

— А сколько вообще самолетов на Кубе? — спросил я.

— Тридцать, — ответил Франк. — Штук тридцать.

Этого я не ожидал совсем. Наверное, мы так привыкли к другим масштабам, что я было подумал, что ослышался.

— В основном ваши, — сказал Франк. — Несколько есть американских, еще остались. Штуки четыре английских — «британий». Сейчас как раз переговоры идут, хотим купить еще Як-40 ваш. Отличная машина.

— А ремонтируете вы сами?

— Небольшой ремонт да, а капитальный здесь проходят — у вас. Привозят сюда, разбирают до винта...

— Сколько ж ваших здесь, Франк, в институте?

— Человек пятьдесят сейчас.

— А окончило уже?

— Года четыре назад один кончил. Еще раньше, лет восемь назад, двое. Или трое даже... В следующем году четверо наших кончают. А вот еще через год большой будет выпуск — нас окончит человек пятнадцать сразу. Если все будет хорошо.

— Сколько ж вас надо, чтобы тридцать самолетов обслужить?

— Трудно сказать.

— А все же?

— Не знаю. Боюсь сказать.

— Да вы там, Франк, переворот сделаете — пятнадцать-то! Технический.

— Вряд ли, — серьезно и даже с сожалением ответил он. — Мало нас. Да и начинающие мы только будем.

Потом говорили о том, что плохо учиться им нельзя — такой уж институт. Убальдо так вообще отличник. От их кубинского землячества недавно отправили его родителям письмо: рассказывали им, какой у них хороший сын.

Поговорили о практике. Из других социалистических стран студенты ездили на практику к себе. Не все и не всегда, но некоторых отпускали. Кубинцы же практиковались здесь.

— Потом, может, и наши будут к себе ездить, — сказал Франк. — Это хорошо — на своих самолетах, в своих условиях.

В парке темнело. Да я еще и помнил разговор с деканом — «поберегите их, не очень занимайте». Мы простились. Договорились только с Фиделем: если у него случится время, он завтра зайдет ко мне, и если что нужно, я еще спрошу у него. Он, кстати, и был президентом землячества. Это он писал письмо родителям Убальдо. Думаю, у него это вышло хорошо.

Утром я ждал его. Валялся на постели и вспоминал, как спросил его: можно ли вообще рассказать о стране так, чтобы тот, кто не бывал в ней никогда, все увидел как есть? Признаться, я мало в это верю.

— Все-таки можно, — возразил тогда Фидель. — Только не надо рассказывать специально. Так не получится. А вот лежишь где-нибудь...

— На острове?

— Может быть. Лежишь на солнце, и не хочется тебе думать ни о чем. И вдруг в голову что-то приходит. Так бывает — когда само собой. Это как в своем родном доме о другом своем доме. Вдруг вспомнится, как ты арбузы собирал. Или еще что-нибудь... И ты говоришь об этом тому, кто рядом. Может быть, это мама. А она слушает и не отвечает. Просто слушает. И ты уверен, что она сейчас видит все, как ты — обязательно так же. Вот так можно рассказать.

И я решил спросить Фиделя о его маме. Я скажу: «Знаешь, Фидель... Я не верю Убальдо, что можно не думать о доме. Ты тоже, по-моему. Правда же? Может, Убальдо и может не думать — один. Он отличник, ему нельзя».

Фидель не пришел. Наверное, договорился как раз в это время сдать свой экзамен. Он хотел.

...Их пароход стоял уже где-нибудь в Одессе.

Музыка, именуемая «бит», «поп» или «рок», — одна из тем, затрагиваемых в письмах наших читателей. Интерес к ней вполне оправдан в контексте общего интереса к образу жизни западной молодежи. Вместе с тем эта музыка привлекает внимание и как весьма своеобразный художественный феномен, нуждающийся в спокойном, вдумчивом анализе и оценке. На это указывает, в частности, и заметное изменение как тона, так и общей ориентации читательских писем, получаемых редакцией в последнее время.

Было время, когда просьбы в основном ограничивались информационно-справочными материалами: биографиями прославленных певцов или инструменталистов; сведениями о местах, занимаемых ими в очередном «хит-параде», и т. д. Причем нередко, как это ни парадоксально, именно просьбы такого рода сопровождались категорическими оценками, в которых авторы не скупились на превосходные степени. Казалось бы, о чем спрашивать, если все для себя решено? Однако в действительности парадокса никакого и нет: неосведомленность очень часто сопровождается категоричностью суждений, а узость, односторонность точки зрения — яростным отрицанием любого другого мнения. Словом, речь идет об отголосках канувшей в Лету бит-поп-рок-мании.

Сегодня наших корреспондентов все чаще занимают уже не внешнесобытийная, но собственно эстетическая сторона проблемы, не беспредметный спор — «Битлз» или Бетховен? — а внутренние свойства, особенности и художественная ценность рок-музыки. Их также интересуют ее связи и взаимодействия с другими видами, жанрами и стилями музыкального искусства, в том числе и с европейской классикой.

Иными словами, отношение к этой музыке становится куда более зрелым.

Нынешний слушатель уже не чувствует себя обязанным восхищаться очередной пластинкой только из-за того, что она лидирует в «высшей двадцатке»; ему хочется быть уверенным, что новая пьеса — это действительно смелый эксперимент или редкая художественная находка, а не нагромождение случайных эффектов или незатейливая смесь банальностей, порожденных спекуляцией буржуазной, так называемой «массовой» культуры. Короче говоря, он предпочитает опираться в своих суждениях на достаточно прочные основания и критерии.

Что же, как говорится, в добрый час! Именно эту цель преследовал «Ровесник» всеми своими публикациями на данную тему, в том числе и настоящей.

О НЕПРЕРЫВНОСТИ МУЗЫКИ

Л. ПЕРЕВЕРЗЕВ

Правильно оценить пестрое и многоликое явление, известное под общим названием «рок», можно лишь с позиций «большой» музыкальной культуры — той самой, которая заключает в себе все ценности, когда-либо созданные музыкой, не отвергая и не забывая ни одного из ее подлинных достижений, будь то новейшая экспериментальная пьеса, классическая симфония или старинная народная мелодия.

При таком подходе нам сразу же открывается ряд очень важных вещей. Во-первых, рок уже не выглядит чем-то абсолютно новым. Мы без труда обнаруживаем в нем многочисленные заимствования из давних музыкальных традиций.

Во-вторых, рок предстает перед нами в образе некоего гибрида, возникшего из слияния нескольких различных и прежде почти не соприкасавшихся ветвей мировой музыки.

В-третьих, оказывается, что рок даже в наиболее новаторских своих проявлениях нередко идет по стопам других видов музыкального искусства, намного превосходящих его смелостью и сложностью художественных концепций.

Легко предвидеть вопрос: а обладает ли рок в данном случае хоть какой-нибудь самобытностью?

Да, обладает, но самобытность его состоит не в каких-либо отдельных чертах, признаках и особенностях. Пожалуй, главное своеобразие рок-музыки заключается в неожиданном, часто контрастном, парадоксальном сочетании множества разнородных и на первый взгляд никак не совместимых элементов.

Чрезвычайно показательно также, что путь к подобному синтезу, далеко еще, впрочем, не завершенному, проходил через антагонистическое противопоставление участвующих в нем сил.

На волне «молодежных бунтов»

Рок возник на волне неосознанного недовольства американских тинэйджеров, а позже вобрал в себя пафос анархического протеста и открытого неповиновения, кульминацией которого стали студенческие бунты конца 60-х годов.

Лидеры и участники этих бунтов, потрясенные внезапно открывшейся им картиной социальных, политических и экономических язв и пороков капитализма, вознамерились одним ударом сокрушить устои поддерживающей его «Системы». Охваченные жаждой немедленного действия и не всегда правильно выбирая цели своих ударов, они прошли через период воинствующего отрицания всех культурных ценностей прошлого. Не избежала подобной участи и классическая музыка, неоднократно объявляемая «буржуазной», «давно сгнившей» и совершенно бесперспективной.

«Культура мертва — не пользуйтесь трупом» — гласила одна из надписей на стенах Парижского университета летом 1968 года, то есть в те же дни, когда в Соединенных Штатах формировалось движение «контркультуры», чьим символом с самого начала стал рок.

Откуда же он появился?

На протяжении первой половины XX века основным популярным жанром музыкальной эстрады в США и других англоязычных странах были танцевальные пьесы типа фокстрота, чарльстона и свинга, а также песенки из кинофильмов, эксплуатировавшие ограниченный репертуар стандартных мелодических и поэтических тем (их, кстати, так и называли «стандартами»). Было время, когда в этой области создавались и произведения высоких художественных достоинств — достаточно вспомнить таких композиторов, как Джордж Гершвин, Джером Керн, Кол Портер; вокалистов вроде Дайны Шор или Пегги Ли; руководителей оркестров типа Бенни Гудмэна, Томми Дорси или Гленна Миллера... Но вслед за ними шла целая армия эпигонов, наводнявших музыкальный рынок бесчисленными второсортными поделками и приводивших тем самым ко всевозрастающей инфляции жанра. К исходу 40-х годов «стандарт» был уже окончательно обесценен, по крайней мере, с точки зрения молодой аудитории.

Что же касается джаза, ранее регулярно поставлявшего легкой музыке свежий материал, исполнительские приемы и способы оркестровки, то он, в свою очередь, сделался к тому времени слишком сложен, приобрел подчеркнуто камерный характер и стал «искусством для посвященных». Само время требовало каких-то иных музыкальных форм, легко доступных неподготовленному слушателю и способных увлечь его эмоциональностью, ритмической энергией и новизной. И такая форма была найдена уже готовой — ею оказался негритянский ритм-энд-блюз [1].

Парадоксы заимствования

Слушать ритм-энд-блюз, спокойно сидя в кресле, было так же трудно, как и танцевать под него в обычной чинной манере. Аудитория неизбежно вовлекалась в процесс «делания» музыки — прищелкивала пальцами, хлопала в ладоши, притоптывала, акцентируя четные доли такта, выкрикивала «ответы» на особенно изобретательные «зовы» певца или солиста на гитаре или саксофоне, побуждала музыкантов мгновенно реагировать на провоцирующие реплики из зала, устраивала хороводы между рядами и так далее. Все это, естественно, импонировало молодежи, и к середине 50-х годов ритм-энд-блюз начинают исполнять многие белые певцы и ансамбли.

Инициатива исходила в данном случае отнюдь не от признанных звезд Бродвея или Голливуда — для них подобная идея была в то время совершенно абсурдной и неприемлемой ни с эстетической, ни с моральной точки зрения; к тому же все они были воспитаны и обучены в совершенно иной системе инструментального и вокального мастерства, то есть не могли бы справиться с такой задачей чисто практически. На столь необычный и рискованный шаг могли решиться лишь начинающие провинциальные исполнители, еще не имеющие имени, известные зачастую лишь в пределах своего ближайшего окружения, но обладающие одним важным преимуществом — принадлежностью к традиции, достаточно восприимчивой к форме, техническим приемам, а в какой-то степени и к общему духу ритм-энд-блюза. Такой традицией оказалась музыка кантри [1].

Вначале музыканты кантри просто копировали самые ходкие номера из репертуара негритянских артистов, как правило, превосходя их тиражами своих пластинок. Билл Хэйли приобрел широкую известность, повторив боевик Джона Тёрнера «Shake, Rattle and Roll»; Элвис Пресли [2] записал свою версию блюза «Houn'Dog», созданного Уилли Мэй Торнтон, а затем тщательно копировал репертуар и манеру сценического поведения певца и гитариста Бо Дидли. Первое же выступление Пресли по национальному телевидению в 1955 году превратило его в полумифического героя американских тинэйджеров, и в считанные дни число заказов на пластинку с исполняемой им песней «Love Me Tender» достигло миллиона. Это немедленно вызвало к жизни нескончаемый поток подражаний, и тогда же с легкой руки диск-жокея Алана Фрида белая версия ритм-энд-блюза стала называться «рок-н-ролл». Превращенное впоследствии просто в «рок», это название сделалось «ключевым словом» для всей «молодежной культуры».

Основными потребителями рок-н-ролла были подростки из сравнительно обеспеченных семей среднего класса, получившие раннюю самостоятельность и образовавшие собственную субкультуру, ревниво оберегаемую от посягательств со стороны взрослых. Первые триумфы рок-музыки отличались исключительно бурным характером. Соучастие в своеобразном музыкальном ритуале явилось долгожданной разрядкой того невыносимого напряжения, которое скопилось в душах миллионов мальчишек и девчонок, выраставших в тени атомной бомбы, «холодной войны» и охоты за «левыми», возглавляемой сенатором Дж. Маккарти. Для многих из них рок-н-ролл стал также первым выражением смутного, еще не до конца осознанного несогласия с лицемерной моралью, плоским здравым смыслом и самодовольной сытостью «об-

---

[1] *О ритм-энд-блюзе, джазе и других связанных с ними музыкальных явлениях можно прочитать в статьях: «Я и джаз родились вместе», «Последнее интервью Дюка Эллингтона» и «Цвета черной музыки», напечатанных в нашем журнале соответственно в № 3 за март 1974 года, № 12 за январь 1974 года и № 2 за февраль 1975 года.*

[1] *Об этом жанре смотри статью «Кантри: сельская музыка становится городской» в номере «Ровесника» за январь 1976 года.*

[2] *О нем мы писали в № 6/76.*

щества благоденствия». Рок был ответом на непреодолимую потребность тинэйджеров иметь свою музыку, позволяющую проявить свою отдельность, свою независимость от воли «старших», свое право распоряжаться самим собой по собственному усмотрению. Они еще не умели размышлять и формулировать личную точку зрения, зреющий в них стихийный протест не мог осуществиться в слове и целенаправленной деятельности; они начинали с того, что полностью отвергали музыку своих родителей, считая ее пустой, придуманной и насквозь лживой. Ритм-энд-блюз, открывшийся им столь внезапно, стал для них утешением и радостью именно потому, что они обнаружили в нем что-то настоящее, подлинное, не рассыпающееся в прах при первой же проверке на достоверность. Дети благополучной белой Америки инстинктивно потянулись к музыке наиболее бесправного и угнетаемого меньшинства черных, также начинавшего в те годы впервые осознавать свои силы.

Однако негритянский ритм-энд-блюз и другие формы «черной музыки» отнюдь не принадлежали им целиком, в них было слишком много чужого и непонятного, непомерно яростного и пугающего, чересчур горького и тяжелого, что просто проходило мимо их восприятия, не затрагивая ни чувства, ни воображения. Они ощутили себя полностью «дома» лишь в рок-н-ролле, сочиняемом и исполняемом такими же, как они, представителями их расы, возраста и общественного слоя.

Опыт на эстетическую совместимость

Наиболее органичный сплав элементов ритм-энд-блюза и песенного фольклора белых американцев произошел в творчестве поэта, певца и композитора Боба Дилана[1]. Лучшие его вещи, созданные в первой половине 60-х годов, оказались созвучными тем настроениям американского студенчества, которые позднее вылились в широкое движение борьбы за гражданские права цветного населения и против военного вмешательства в Индокитае. Дилан стал голосом этой протестующей молодежи, он был первым, кому удалось придать подлинно художественную форму ее эмоциональным порывам и выразить ее устремления ясным, точным и беспощадным языком рок-музыки.

Музыкально-поэтическое усложнение рок-н-ролла, начатое Диланом, было продолжено в Англии группой «Битлз»[2]. Творчество четырех ливерпульцев сняло с него внешнекомпозиционные оковы и явственно показало, что рок — это не столько определенная форма, сколько общий подход или принцип музицирования и организации художественного материала, стремление преодолеть все жанровые и видовые границы. «Битлз» поставили опыт на эстетическую совместимость таких элементов, как блюз, средневековая баллада, галантный романс XVIII века, индийская система рага и техника электронного монтажа на многоканальном магнитофоне; о результатах этого эксперимента до сих пор с уважением говорят выдающиеся композиторы.

В 70-х годах подобные процессы продолжали усиливаться, протекая особенно эффективно в тех коллективах, члены которых имели ранее опыт работы в различных жанрах или же знакомство с традициями других музыкальных культур, что нередко встречается среди американцев в первом или втором поколении.

Многие рок-исполнители, например, Карлос Сантана, стали систематически обращаться к темам и выразительным средствам мексиканской, кубинской, бразильской и африканской музыки, смыкаясь в этом отношении с аналогичными поисками джаза.

Оглядываясь с этих рубежей на первые шаги рок-н-ролла и на его вовлеченность в бурные события 60-х годов, нетрудно прийти к выводу, что леворадикальное отрицание и поношение классики вовсе не было абсолютным и последовательным. Молодежь отворачивалась отнюдь не от всей серьезной музыки, но лишь от того сравнительно узкого и консервативного репертуара, который навязывался ей буржуазной школой, обывательским мнением и средствами массовой информации в качестве «подобающего приличному человеку» искусства.

Ведь в то же самое время поклонники рока оказались удивительно восприимчивыми к творчеству Генри Перселла, Клаудио Монтеверди и других европейских композиторов доклассической эпохи, чьи произведения приобрели небывало широкую популярность именно у молодых слушателей. А это, в свою очередь, помогло им преодолеть первоначальную отчужденность и по отношению к симфонической и камерной музыке более поздних периодов, все более заметно воздействующих на новейший рок.

Вообще нужно сказать, что связи последнего с европейской музыкой гораздо прочнее и глубже, чем кажется поверхностному наблюдателю. «Аккорды и последовательности блюза (одного из краеугольных камней всей рок-эстетики) часто встречаются в произведениях великих композиторов, — отмечает американский музыковед и педагог Сидней Фокс. — И.-С. Бах применил их в своей Пассакалье до-минор. Они использовались также в раннем джазовом стиле «буги-вуги», похожем на ту танцевальную форму пассакальи[1], которую негры могли услышать в испанских и французских колониях, входящих теперь в Соединенные Штаты. Те же самые аккорды и последовательности встречаются и в «Cantabile» одного из струнных квартетов Гайдна».

Неудивительно, продолжает Фокс, что многие молодые люди, не приемлющие музыку школьных программ и методы ее преподавания, раскрывают для себя великих композиторов через рок, который без смущения цитирует классическую музыку. Так, в одной из песен группы «Прокул Харум» мы слышим многократно повторяющуюся мелодическую фигуру арии из Сюиты ре-минор И.-С. Баха. Музыка Баха использована и в «Бурре» группы «Джетро Талл», Бах вообще стал самым популярным композитором среди молодежи.

В «Гимне» английской группы «Дип Пёрпл» мы находим двойное использование классической музыки: органную фугу и струнный квартет. Группа «Блад, Свэт энд Тирз» использует одно из произведений французского композитора XX века Эрика Сати в своей «Теме с вариациями». Рок-вариант Патетической сонаты Бетховена исполняется группой «Ренессанс» под названием «Остров».

Список этот можно было бы значительно продолжить, но возникает естественный вопрос: с какой целью рок прибегает к материалу классики и какова эстетическая ценность подобных опытов, вызывающих понятную настороженность у ревнителей строгих академических традиций?

Ведь еще в 20-х и 30-х годах коммерческие танцевальные оркестры нередко обрабатывали темы известных симфоний и оперных арий в виде танго или фокстрота. Непременными атрибутами таких обработок были пассажи «мяукающей» трубы, «рычащего» тромбона и «хохочущего» саксофона, а кульминацией служило долгое акробатическое соло барабанщика, неимоверно ловко жонглировавшего своими палочками, покуда все остальные оркестранты один за другим картинно уходили со сцены, чтобы возвратиться лишь к моменту эффектного финала. Короче говоря, там сразу же избиралась установка на карикатуру или цирковой номер, что полностью отвечало вкусам ресторанной публики тех лет.

Рок и классика

Наиболее талантливые из современных рок-групп, равно как и поддерживающая их аудитория, занимают в этом смысле чаще всего прямо противоположные позиции. Они не только не имеют намерения пародировать классику, но, напротив, во многих случаях видят в ней средство, позволяющее им «облагородить» собственную деятельность. Даже такое косвенное приобщение к сфере высокого профессионализма помогает им преодолеть то чувство культурной неполноценности, которое пришло теперь на смену культурному нигилизму 60-х годов.

Но, разумеется, тяга к классике не исчерпывается одним лишь этим мотивом. Куда более существенной причиной является сегодня все более острый дефицит тематического материала, то есть, попросту говоря, недостаток ярких и запоминающихся новых мелодий.

Со времен Леннона и Маккартни, бывших в пору расцвета «Битлз» каким-то вулканическим источником музыкальных идей, рок не выдвинул других композиторов, сравнимых с ними по оригинальности и силе таланта. Количество же исполнителей, нуждающихся в свежем и профессионально-доброкачественном материале, с тех пор многократно возросло, и классическое наследие пришлось для них как нельзя более кстати.

Оценивая рок-обработки классических пьес с точки зрения их внутренних эстетических достоинств, нужно, разумеется, прежде всего исходить из понимания тех задач, которые ставили перед собой, а также и перед своими слушателями, их аранжировщики и исполнители.

Приходится признать, что неразборчивость — прямое следствие музыкальной

[1] *Очерк о Бобе Дилане напечатан в девятом номере «Ровесника» за 1974 год.*

[2] *Материалы, посвященные «Битлз», — в № 10/68, 4/69, 8/71, 1/73, 7/73, 9/74.*

[1] *Пассакалья — старинный танец испанского происхождения, а также возникшая на его основе форма инструментальной пьесы для органа или клавесина, для которой характерна непрерывно повторяющаяся мелодическая фигура в басу — так называемое «бассо остинато».*

невежественности значительной части массовой аудитории — поощряет процветание самой беззастенчивой эклектики и приводит к поистине катастрофическому падению художественного качества рядовой рок-продукции. Любые традиции, питающие эту музыку, слишком часто делаются объектом грубой коммерческой эксплуатации и рассматриваются просто как склад мелодических полуфабрикатов и других внешних эффектов, очень быстро обесценивающихся из-за чрезмерно частого и неумелого употребления. Действительное, а не кажущееся приобщение к их неисчерпаемой творческой энергии и красоте доступно лишь тем артистам — и, конечно, слушателям, — которые стремятся сознательно изучать и постигать их художественно-философский смысл.

Подобное отношение к произведениям классики, несомненно, присуще такому ансамблю, как «Эмерсон, Лейк энд Палмер», сокращенно «ЭЛП», прославившемуся своей интерпретацией «Картинок с выставки» Мусоргского.

Как известно, «Картинки с выставки» были созданы композитором лишь в виде фортепианного цикла. Но ведь именно Мусоргский, как писал о нем замечательный советский музыковед Борис Асафьев, «силой богатейшего воображения раскрыл и ввел в музыку миры неслыханных звучаний, руководствуясь не абстрактными построениями так называемой чистой музыки, а великой романтической мечтой о правде непосредственного искреннего выражения в звуках душевных переживаний как в свободной прозаической речи, вне архитектонических норм, а лишь н а с л у х, то есть прислушиваясь к голосу души».

Логично ли утверждать, что те «звучащие миры», которые переполняли воображение Мусоргского при работе над образами «Гнома», «Старого замка», «Катакомб», «Бабы Яги» и «Богатырских ворот», могли быть целиком и с исчерпывающей полнотой выражены средствами одного только фортепиано?

Спустя полвека с момента их сочинения и через сорок лет после смерти самого Мусоргского «Картинки с выставки» впервые приобрели волшебную красочность и симфоническую мощь в изумительной оркестровке Мориса Равеля. Но означало ли это, что на сей раз их потенциальное звуковое и образное богатство было раскрыто уже действительно до конца? Обработка Равеля также не всеми принимается безоговорочно, некоторым она кажется слишком уж цветистой, изысканно-элегантной и гладкой по своему изложению, то есть приближающейся скорее к французской, нежели к русской музыкальной традиции.

Рок-вариант «Картинок», созданный группой «ЭЛП» (точнее, композицию из нескольких переработанных частей этого цикла), менее всего можно упрекнуть в «гладкости», хотя «русским» его, пожалуй, также не назовешь. Интерпретация построена на предельно резких контрастах динамики, тембра и ритма. Она изобилует действительно «неслыханными» звучаниями и отличается шероховатой и какой-то всклокоченной фактурой, вполне соответствующей, впрочем, мятежному, страстному и саркастически едкому духу музыки Мусоргского.

Открывающая цикл тема «Прогулки» исполняется на подчеркнуто «классическом» регистре органа с точным сохранением мелодико-ритмического рисунка оригинала. Но зато «Гном» и особенно «Баба Яга», где доминирует электронный синтезатор, в первый момент производят впечатление эстетического шока.

Знакомые контуры «Картинок» возникают как будто из клубящегося звукового тумана, стягиваются в узлы, образуют странно деформированные, преувеличенно гротескные фигуры. Кажется, что они вот-вот станут зримыми — до такой степени сгущена, плотна, материально ощутима их акустическая ткань, но внезапно они вновь становятся зыбкими, текучими и непостоянными; вот они уже неузнаваемо изменили свой облик, а в следующее мгновение рассыпались на тысячи тональных осколков-атомов...

Самое поразительное в этой фантасмагории — верность «интонационному словарю», то есть основным характеристикам «музыкальной речи» Мусоргского, восходящим непосредственно к человеческому голосу и слову. Кстати сказать, «ЭЛП» вводит в свою интерпретацию и вокальную партию, что еще лучше помогает им передать углубленную, почти осязаемую рельефность звуковой пластики «Картинок».

И, конечно, музыкантам «ЭЛП», как, впрочем, и всей эстетике нового рока, очень близко ощущение неразрывной взаимосвязанности комического и трагического, столь свойственное автору «Женитьбы», «Блохи» и «Хованщины». Разделяют они и тот юмор, который (процитируем еще раз Асафьева) «в основе своей носит отпечаток жалости к людям», но не исключают и того, что «часто под маской юродства композитор отметает жалость и в злой карикатуре издевается над тем, что самому ему ненавистно в людском водовороте лжи, цинизма и жестокости».

Короче говоря, новая версия «Картинок с выставки», принадлежащая «ЭЛП», — вещь более чем дискуссионная, но, безусловно, имеющая право на существование в ряду других возможных интерпретаций этого шедевра — как уже известных, так и тех, которым еще предстоит, вероятно, появиться в будущем. В этом смысле ее можно рассматривать как совершенно новый подход к самой постановке проблемы интерпретации классики и экспериментальное исследование средств и методов ее художественного решения.

Душа музыки

Наряду с этим многие рок-группы обращаются к произведениям великих композиторов прошлого, преследуя, по сути дела, прямо противоположные задачи. Они стремятся применить старые, но отнюдь не утратившие своей силы композиционно-выразительные средства для выявления и развития традиционных аспектов самой рок-музыки, то есть именно тех ее сторон и особенностей, в которых ее преемственные связи с европейской музыкальной культурой становятся наиболее очевидными.

Разумеется, и здесь нельзя сбрасывать со счетов влияния модной теперь «ностальгии», назойливой рекламы и потребительской психологии, которая с готовностью заглатывает любую соответствующим образом упакованную и сервированную приманку. Но даже в этом водовороте новинок, однодневных сенсаций и увлечений музыкальной экзотикой, седой древностью или сравнительно недавним, но уже «романтическим» прошлым, отчетливо заметны некие достаточно постоянные течения. Так, уже упоминавшаяся приверженность рок-исполнителей (а задолго до них и джазменов) к музыке Баха — отнюдь не случайность.

Близость этих на первый взгляд взаимоисключающих эстетических позиций была убедительно продемонстрирована уже в конце 60-х годов весьма своеобразным коллективом, выступавшим под именем «Нью-Йоркского Рок-н-Ролл Ансамбля», который стал, по существу, пионером стиля «классик-рок». Его основное ядро составляли трое выпускников Джульярдской школы (нужно сказать, что сегодня почти все ведущие рок-музыканты имеют консерваторское образование), каждый из которых профессионально владел двумя инструментами — «классическим» и «современным». Рецензируя их дебют, критик Ричард Коуэн писал весной 1969 года на страницах «Вашингтон пост»: «Пьеса может начаться как тема в стиле барокко, а затем перейти на чистый рок, но и в нем можно услышать упругие барочные фигурации, а услышав — понять, сколь огромное влияние классическая музыка оказывает в наши дни даже на самую «жесткую» и «тяжелую» рок-музыку».

Эти слова дают повод задуматься над тем, как далеко сегодняшний рок ушел от примитивных трехаккордовых схем, монотонных повторов и нечленораздельных выкриков биг-бита; сколь тесно нынешняя молодежная музыка соприкасается с наиболее утонченными видами исполнительского и композиторского творчества; какой высокой художественной эрудицией и умением слушать должен обладать тот, кто желает быть настоящим ее ценителем, а не объектом манипуляции со стороны индустрии грампластинок, то есть пассивным потребителем.

Обогащение опыта восприятия повышает способность критического суждения, то есть повышает требовательность к художественному уровню любых жанров, включая и рок, а затем помогает открывать в них то общее качество, которое роднит все виды настоящей музыки и переживается как высшая ее ценность. Это качество крайне трудно определить каким-то одним понятием; в лексиконе джаза и рок-исполнителей оно выражается термином «соул» (англ. soul — душа). Ставший международным, этот термин представляет собой нечто большее, чем жаргонное слово или красивая, хотя и избитая метафора. «Для нашей молодежи понятие «соул» является символом добра, — говорила американская учительница Кэрол Рейнолдс, выступая на международной конференции по музыкальному воспитанию, состоявшейся в Москве несколько лет назад. — Если в чем-то есть «соул», то в этом есть и сила, а если его нет, то и все остальное никуда не годится. Соул — это теплота, ценность, глубина, человечность. В музыке Баха есть соул, в «Лунной сонате» есть соул, Шопен и Чайковский, Саймон и Гарфанкел, и Леонтина Прайс, великая негритянская певица, это тоже соул».

Но дело, конечно, не в терминах, а в их содержании. В данном же случае речь идет о том, что истинная новизна, современность и красота музыки — к какому бы жанру, виду или стилю они ни принадлежали — непосредственно вытекают из ее непрерывности, включенности в единую цепь творческой преемственности, не имеющей конца.

НАДЕЖДА № 46

Брижит Бардо ежемесячно посвящается десять миллионов слов в печати, подсчитал как-то французский писатель Жан Ко. Казалось бы, о ней известно все. И тем не менее последнее интервью, данное актрисой в день ее рождения известной французской писательнице Франсуазе Саган, было откровением для многих почитателей. Не удивительно ли услышать от Бардо, ставшей своего рода символом целой эпохи французского кино, что свое появление на экране она расценивает как нелепую случайность? Брижит Бардо признается, что никогда не любила профессии киноактрисы. Из более чем сорока ролей, сыгранных в кино, по ее мнению, «действительно искренняя, заслуживающая внимания» лишь одна — в фильме «Истина» (режиссера Клузо). «Больше всего угнетает то, — говорит актриса, — что меня превратили в изящную вещь, красивую куклу. Ничего другого во мне не видят и видеть не хотят, поэтому и роли все одинаковые... Слава, успех! Радости и внутреннего удовлетворения от них хватает ненадолго, а уж тем более, когда все подробности твоей личной жизни становятся таким же достоянием публики, как и твои фотографии. Планы на будущее? У меня их нет, во всяком случае, если вы имеете в виду кино. О чем мечтаю? Пожалуй, больше всего о том, что через 5 лет мне будет 46 и, может быть, меня забудут, и я смогу жить, как все нормальные люди. Я перестану быть красивой вещью и стану самой обыкновенной женщиной, буду поступать как мне вздумается и отвечать за свои поступки».

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ. Зачем похоронным катафалкам переезжать из города в город, из провинции в провинцию? Этот вопрос долго мучил неаполитанских полицейских, пока они не решились открыть запломбированный гроб. На месте покойника лежали пачки фальшивых банкнотов на крупную сумму. «Наши деньги не пахнут», — мрачно сострил при аресте мнимый гробовщик.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА. Порча их, как известно, дело нешуточное. Произведением, пострадавшим в западногерманском городе Вуппертале, оказалась самая обычная детская ванночка из коллекции мюнхенца Ширмера. Впрочем, обычная ли? Именно в ней купали художника-авангардиста Иозефа Бейи, который однажды, наскоро украсив ее абстрактным орнаментом, продал Ширмеру, а тот, в свою очередь, одолжил для выставки вуппертальскому музею. Несомненно, по ошибке она попала вместе со старым хламом в подвал музея, откуда была извлечена, отмыта и использована для хранения бутылок по случаю местного торжества. Ширмер подал в суд, оценив причиненный ему ущерб в 40 тысяч марок. Каково же было его удивление и радость, когда жрецы Фемиды увеличили сумму штрафа более чем в четыре раза.

НАШЛА КОСА НА ...МОДНИЦ

С темной юбкой носят светлую косу, если же ваш костюм светлый, к нему больше пойдет русая коса. Как бы то ни было, без косы, подсказывает реклама в западногерманском журнале «Штерн», вам в этом сезоне просто не обойтись. Такая мода любую модницу повергнет в смятение. Изменять цвет волос по временам еще полбеды, но вот отрастить их так быстро не в силах ни одна самая модная модница! Не в силах? Вы не знаете модниц!

В ПОИСКАХ ПОЛИЦЕЙСКОГО «ИДЕАЛА»

То, что вы видите на снимке, называется «стан-ган», или «оглушающее ружье». Оно стреляет пластиковыми мешочками, набитыми дробью. Идея этого американского изобретения, как подсказывает его название, в том, чтобы вызвать у жертвы шок, лишить сознания, но не убить. Западногерманский журнал «Штерн» приводит впечатляющий перечень (и фотоиллюстрации) полицейских новинок в странах «свободного мира». Помимо «стан-гана», тут и дубинка с электрическим зарядом, и английское ружье для стрельбы резиновыми и деревянными пулями (с кулак величиной), пушка-брандспойт, выбрасывающая стойкую, липкую пену, световая ослепляющая пушка «фотик-драйвер» и американский «тазер» — элегантная на вид машинка, извергающая... стрелы, заряженные электричеством... Проинтервьюированные «Штерном» полицейские чины рисуют почти умиляющую картину поисков «идеального» полицейского оружия, позволяющего обезвредить преступника, не убивая его и не подвергая опасности окружающих. Увы, признают они, «идеал» еще не изобретен. А пока его ищут, резиновые и деревянные пули «оглушают» без разбору женщин, детей, стариков в Ольстере, пенометы и гранатометы обрушивают химические реактивы на демонстрантов в разных странах Запада. Словом, полиция старается идти в ногу с веком технического прогресса. Хотя... старый добрый кольт она тоже не забывает.

СКОЛЬКО «ВОСЬМЫХ ЧУДЕС СВЕТА»?

Рекламные агенты западных туристских фирм, подобно Остапу Бендеру, «не балуют разнообразием дебютов». Остап, как вы помните, все партии с васюкинскими любителями начинал с хода Е-2, Е-4. Описания известных исторических памятников во многих рекламных проспектах начинаются со слов: «Перед вами восьмое чудо света!» Немногие авторы таких проспектов, замечает по этому поводу американский журнал «Харперс», знают, наверное, что из семи избранных в древности чудес сохранились лишь пирамиды в Египте. Что касается этой статуи Будды, расположенной близ Рангуна, то она действительно чудо человеческого гения, но восьмое ли?

«СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ» АНГЛИЙСКИХ КОТОВ

Вот уже более ста лет в почтовых отделениях Англии находятся на службе... коты. Архивные документы подтверждают, что в 1868 году три кота спасли королевскую почту от нашествия мышей. С тех пор их потомки находятся на жалованье у государства. Время от времени в парламенте делается запрос о материальном положении котов: не обижает ли их начальство, не страдают ли они от роста цен. Действительно, зарплата «почтовых» котов едва поспевает за инфляцией. Сто лет назад они зарабатывали целый капитал — 1,5 пенса в неделю, сейчас на эти деньги не купишь и блюдца молока. Ныне кот по кличке Сэм, фото которого мы перепечатываем из журнала «Обсервер мэгэзин», получает 35 пенсов (около 50 копеек) в неделю, что по нынешним временам совсем не густо. Иногда он отрабатывает эти деньги, гоняясь за настоящими мышами. И как же обидно должно ему быть, что собаки зарабатывают в тысячу раз больше, гоняясь за каким-то металлическим манком, нисколько не напоминающим живого зайца.

После футбола собачьи бега самое популярное в Англии зрелище. Несмотря на инфляцию, ставки на них непрерывно растут. Толстосумы, приезжающие по субботам на специальный стадион «Уайт сити» в Лондоне, выкладывают за хорошую гончую по 10 тысяч фунтов стерлингов. «Так у кого же собачья жизнь?» — имеет право спросить Сэм.

Вы спрашивали

«ДЕЛО В ЧУВСТВАХ И МЫСЛЯХ»

«Прислушайтесь, как меняется песня в зависимости от того, кто поет ее, какие новые оттенки она обретает. И дело, конечно, не только в голосе певца, не только в манере исполнения, но в чувствах и мыслях, которые он вкладывает в песню. В политической песне певец выражает свою общественную позицию, свое отношение ко всему, что происходит в мире. И, наверное, поэтому слушатели так живо и остро откликаются именно на политическую песню. Певец чувствует, что нужен людям, что помогает им найти ответ на их вопросы, ответ эмоциональный, действующий. Я испытал это чувство в Польше и Венгрии, Испании и Швеции, в родной Софии и моей любимой Москве». Так говорил болгарский певец Бисер Киров, когда журналист Христо Сыбев попросил его для нашего журнала рассказать о себе и о своем творчестве.

Первый шаг Бисера Кирова на эстраду, его популярность связаны с песней политической, молодежной: в 1967 году он стал лауреатом Сочинского фестиваля молодежной песни. Годом раньше начинающий химик-технолог Бисер Киров и не предполагал, что станет певцом. Дирижер оркестра «Балкантон» Димитр Ганев неожиданно «открыл» его на студенческом празднике в Софии. Теперь на его счету высшие награды, полученные на IX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Софии, на многих песенных фестивалях и конкурсах. Дважды жюри телевизионного конкурса «Мелодия года» признавало его лучшим певцом Болгарии.

КАРНАВАЛ ЭЛТОНА ДЖОНА

Если в Англии Элтон Джон предворил свои гастроли многочисленными плакатами-рекламами: «Кто шумнее «Конкорда» (англо-французский суперлайнер. — Прим. ред.), хотя и не так красив? Элтон Джон!», то гастроли в Соединенных Штатах, отмечающих свой 200-летний юбилей, этот прославленный музыкант и эксцентрик сцены начал в костюме статуи Свободы. Он признался, что долго выбирал различные варианты, среди которых фигурировал и наряд под памятник Вашингтону. Но, по его мнению, одежды статуи Свободы ему больше к лицу. Впрочем, в какое бы платье Элтон Джон ни облачался, свою главную цель — наделать побольше шума в прессе и на эстраде — он так или иначе достигает.

БЕЗРАБОТНЫЕ КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ

— Так сколько отказов ты собрал, Джон?
— Больше ста, и все от разных компаний!
— Это чепуха, на одну стенку не хватит. Мне уже удалось обклеить ими всю спальную.

Что это, диалог из абстрактного фильма? Нет, вполне реальный разговор двух выпускников английских вузов. В письме «Санди таймс» молодой психолог Брэд Бурджес пишет, что среди его бывших сокурсников, отчаявшихся найти работу, распространено «извращенное увлечение собирать письма-отказы». Беда только, что все они по одному шаблону, будто сочинены роботом. Бурджес предлагает свои более человечные варианты, типа: «Ваш почерк не устраивает фирму», «Вы не использовали необходимые связи». Уже само составление подобных нетрафаретных отказов, с иронией замечает Бурджес, потребует расширения штатов в соответствующих отделах компаний, а значит, появятся новые вакансии для выпускников. Есть все-таки перспективы!..

Елена МИЛЮТЕНКО

ЗАПАДНЯ ДЛЯ БОГИНИ

Весной этого года все компьютеры многочисленных институтов общественного мнения в ФРГ, будь то в Ааленсбахе, Билефельде или Мюнхене, которые периодически по итогам опросов выдают десятку кумиров молодежи, были на редкость единодушны: первое место в иерархии современных звезд прочно захватила 26-летняя Роза Мария Миттермайер.

Вчера еще никому не известная Роза из маленького горного городка Винкельмосалле, затерявшегося где-то на границе Баварии с Австрией и насчитывающего всего около 3 тысяч жителей, оттеснила далеко на задний план прославленных королей футбола и видных политиков, популярных певцов и целые джазовые ансамбли.

Две золотые и одна серебряная медаль, завоеванные Миттермайер в скоростном спуске, слаломе-гиганте и специальном слаломе на зимних Олимпийских играх в Инсбруке, возвели ее на пьедестал королевы «снежных трасс», а для западногерманского спорта это была поистине сенсация номер один. Еще бы, столь удачливого спортсмена в истории ФРГ просто не было, а чего-то подобного до сих пор добивались в мире лишь двое — австриец Тони Зайлер да француз Жан-Клод Килли.

О «мышке Рози», под лыжами которой «горел» снег Инсбрука, заговорил весь мир. Крупнейшие газетно-журнальные концерны и телекорпорации Западной Германии бросили своих лучших мастеров пера и репортеров, чтобы выжать все из новоиспеченной богини.

В миллионах экземпляров ежемесячников и еженедельников, ежедневных газет застыли фото с ослепительной и доброй улыбкой Рози Миттермайер, набранные самыми крупными шрифтами анонсы предваряли интервью, очерки и эссе о ее детстве и юности, о секретах ее мастерства и взглядах на жизнь. В весенние месяцы в каждой мало-мальски значительной спортивной передаче «национальной гордости западных немцев» отводили особую роль. Рози можно было видеть роющейся в огромной груде писем телезрителей и отыскивающей в этих толщах фамилии и адреса счастливчиков — победителей олимпийской викторины. Она азартно посылала мячи в нарисованные на холсте и установленные в телестудии футбольные ворота, где нет вратаря, а только специально вырезанные круги «девяток» и «десяток», в надежде побить рекорд самого футбольного «кайзера» — Франца Беккенбауэра.

Все это Рози делала с детской непосредственностью, совершенно не замечая, что окружена телекамерами, которые ближним или дальним планом воспроизводят каждое ее движение, выражение лица, глаз, ее восторг или ее удивление.

Даже искушенному и избалованному подробностями скандальной хроники и деталями дешевых сенсаций западногерманскому бюргеру эта доверчивая простота и искренность пришлись по нутру. Ему изрядно поднадоела ограниченная обойма спортивных кумиров, продавших свою душу и имя безжалостной машине рекламы и предлагающих на каждом шагу с плакатов, каждую минуту в эфире и на экране автомашины концерна «Форд», бензин «Эссо», кофе марки «Эдюмо», самую выгодную страховку и систему кредита, спортивные тапочки фирмы «Пума».

И здесь рядом Рози... Она всегда объективно оценивала свои возможности и была сдержанна в прогнозах, она тепло и без зависти говорила о своих соперницах, как-то элегантно обходила вопрос о деньгах, ее раздражали разговоры о профессиональном спорте и уже совсем недоступной она была в интимной сфере. Казалось, что обрушившееся бремя славы и восхвалений не в силах поколебать волю и принципы девушки, выросшей в довольно среднем достатке, воспитавшейся вдали от бурного ритма жизни городов.

Супруги Миттермайеры — в прошлом коренные мюнхенцы — покинули родной город, когда по Европе прокатилась волна фашистского нашествия. В те тревожные дни многие немцы искали спасения для себя и своих семей, отправляясь тайком или под самыми невообразимыми предлогами в самые отдаленные и труднодоступные районы.

Так в одном из домиков, приютившихся у пологого склона, на высоте 1160 метров, у самой границы горных снегов поселилась новая семья. В краю, где, как утверждают баварцы, «лишь зайцы да лисы говорят друг другу спокойной ночи»; в краю, о котором никто толком не мог сказать, какому же государству он принадлежит.

Шли годы... Мастер на все руки, папаша Генрих стал владельцем небольшой и единственной гастштеты, чего-то среднего, по нашим понятиям, между пивной и кафе. Сюда вечерами на огонек, на кружку пива, на партию бриджа тянулись все, кто жил окрест. Потом этот домик стал приютом и для туристов, которых привлекал замечательный ландшафт и микроклимат окрестностей Винкле.

Рози была третьей и младшей дочерью в семье. Она уже с раннего детства любила преподносить родителям сюрпризы. Однажды трех лет от роду она вдруг влетела с шумом в коридор в весьма необычном снаряжении: на ногах кое-как привязанные широкие ясеневые доски, в руках кривые необструганные палки, а на голове пластмассовая часть электрического кофейника вместо защитного шлема. По словам матери, Рози была «чудом с тысячью приключений». Но ни сломанные ключицы, ни сложнейшая травма глаза, лишь благодаря своевременной операции не обернувшаяся слепотой, нисколько не отбили у нее охоты часами мотаться по извилистой горной трассе. Эта захватывающая дух скорость, эта обжигающая щеки, искрящаяся и колючая снежная пыль, это ощущение полета — хотя и секундного, но полета! — становились ее стихией, рождали какое-то непередаваемое чувство радости. Иностранные завсегдатаи Винкле хорошо знали в лицо Миттермайер-младшую. Разговорчивую, бойкую и самостоятельную девочку все так и звали ласково «мисс Улыбка». Папаша же Генрих не только сам был прекрасным горнолыжником, но и считал себя удачливым тренером-самоучкой. По очереди он выводил на трудные пути слалома своих дочерей — сначала Хайди, затем Эфи и, наконец, Рози. Он вовсе не мечтал о рекордах, кубках, громких победах, а просто, когда чувствовал, что они уверенно стоят на ногах, не теряют самообладания, умеют управлять своим телом, предлагал помериться силами в соревнованиях. Профессиональные тренеры тотчас примечали новый талант. Все трое из семьи Миттермайеров оставили в истории горнолыжного спорта ФРГ свой заметный след. Когда старшие сестры уезжали в долгие поездки, Рози помогала по хозяйству. Она с большой ловкостью перетаскивала из подвала на кух-

ню ящики с пивом, кока-колой, лимонадом и вовсе не чувствовала усталости от этой совсем не женской работы. «Это было моим лучшим подготовительным тренингом перед зимой, — говорила потом Рози. — Гимнастику, батуд, вообще стандартные упражнения я не люблю — я люблю только снег».

Рози с нетерпением ждала, когда дойдет очередь до нее. По своему строгому правилу, папаша Генрих разрешал следующей дочери выйти на ответственный старт, когда убеждался, что у предыдущей спортивная форма проходила свой пик и клонилась к закату.

В 1966-м, когда Рози исполнилось шестнадцать лет, он сказал: «Давай-ка попробуй, но если в два года не станешь сильнее Хайди, тогда сразу спишу тебя на пенсию».

В спортивном сезоне 1968/69 года на первенстве мира в Гриндевальде (Швейцария) младшая из сестер Миттермайер заняла второе место в скоростном спуске. Так начиналось восхождение Рози на Олимп, длившееся десять лет...

Видный западногерманский журналист Юпп Суттнер в своей книге «Рози», вышедшей в мюнхенском издательстве «Копресс», вскоре после спортивного триумфа Миттермайер писал:

«Да, Рози теперь, пожалуй, самая естественная и яркая суперзвезда из всех, что появлялись у нас когда-либо, хотя она очень тяготится этим титулом. Он смущает ее совсем не потому, что сейчас непросто отвязаться от многочисленных поклонников, буквально следующих по пятам, и дотошных репортеров; и не потому, что к ее славе не прочь примазаться немало фальшивых друзей: так даже само выполнение тысяч просьб прислать свой автограф становится просто непосильной и ненавистной работой. Нет, Рози не по душе быть звездой, потому что ей чужд, абсурден и смешон сам культ идола. То, что так быстро вдалбливали в головы других олимпийских чемпионов, не для ее натуры».

С такими чувствами и взглядами взошла на свой престол новая снежная королева. Но продолжение ее спортивной карьеры оказалось совсем иным.

Уже когда отзвучали фанфары Инсбрука, во всех своих интервью для прессы Рози Миттермайер на коронный вопрос репортеров: «О чем вы сейчас думаете?» — отвечала коротко: «О покое и коротком отдыхе».

Пропагандистский бум, связанный с ее победой, еще только начинал раскручиваться. На специальном самолете Рози летала в Дортмунд, где перед 15 тысячами зрителей ей вручили высший приз «Радио Люксембург» — «Почетного Льва». Бавария никогда не делила славы своих земляков со всей Западной Германией. И в Мюнхене ее встретили, как не встречают высоких иностранных гостей. Устроители помпезного приема делали все с дальним прицелом: смотрите, талант как-никак пророс на земле, где правит штраусовская партия ХСС; авось и это поможет в предстоящей предвыборной борьбе за места в бундестаге. Сам президент земли Бавария Альфонс Копель поздравлял победительницу и даже прослезился при этом.

Затем начался «фашинг» — традиционные дни карнавала, и без Рози на них было просто не обойтись. Ее представляли респектабельной публике то в наряде королевы, то в танце с лучшим спортсменом 1975 года, знаменитым футбольным вратарем Зепом Майером.

Из новой «звезды» выжимали все, ее хотели сделать своей в мире, который для нее казался далеким и чужим. И только на чествовании в родном Винкле Рози было радостно. Глядя в холодный зал, где сидели прямо в пальто, шубах, куртках люди, каждого из которых она знала в лицо и по именам, она чувствовала, что ее слава коснулась и их. Рози принесла им частицу надежды на то, что о Винкле теперь будут знать все. А это расширение туризма, новые рабочие места... Правда, фантазии «отцов города» при избрании Рози почетным гражданином родного городка, увы, оказались прозаическими: поскорее открыть новый ресторан «Золотая Рози».

Дельцы большого бизнеса уже с первых шагов Рози в новом звании попытались эксплуатировать ее славу, нажить на ее популярности завидные барыши. Еще шла Олимпиада, когда на прилавках магазинов ФРГ появилась фигурка «золотой лыжницы». Понимая, что это грозит дисквалификацией, Миттермайер гневно протестовала, заявив, что это было сделано без ее ведома, и потребовала немедленно изъять все фигурки из продажи. Не прошло нескольких недель, как на рынке массовым тиражом появилась пластинка. Товар оказался ходовым, хотя слова песенки были незамысловатыми, родившимися прямо в среде болельщиков из ФРГ, прямо в Инсбруке.

Рози, повтори то, что было так
прекрасно, еще раз.
Чем ты порадуешь нас еще?

С первой минуты, когда в руках Рози Миттермайер заблестела первая золотая медаль, за ней неотступно следили глаза людей, прикидывавших в уме, какую прибыль принесет лик этой амазонки той или иной фирме, к какому товару больше подходит цвет ее глаз и ее костюмов, насколько проникновенен и колоритен ее голос, как она смотрится в кадре.

То, о чем думали десятки безымянных менеджеров, бесстрастно взиравших на ход спортивной борьбы с трибун, весьма емко выразил эксперт по рекламе из Дюссельдорфа Чарли Вильм, известный под кличкой «Клоун»:

«С точки зрения психологии рекламы золотая Рози абсолютная находка. С ней можно зарабатывать миллионы. У меня уже есть предложение одного английского концерна на 300 тысяч марок. Рози постоянно улыбается, и это одно может покорить весь мир. С ней можно предложить все, что нужно человеку, от замороженных овощей и фруктов до зубной пасты. Ее возможности могут простираться от Кувейта до бульвара Сансуси. Правда, сначала в Кувейте ей придется вести лыжные курсы без лыж, так как там трудновато со снегом. Но шейхам и он вряд ли будет дорого стоить, при желании его можно импортировать из соседнего Ирана. Кроме того, не надо сбрасывать со счетов и туризм. Рози — лучшая визитная карточка наших родных ландшафтов».

Особенно подходящей для деятелей рекламы была обычность биографии Миттермайер — «из золушек — в королевы». Ведь это так трогает, когда только и слышишь о коррупции и инфляции, росте налогов и цен, иллюзорности «всеобщего благоденствия, о продажности тускнеющих «звезд», и политиков.

Еще в Инсбруке Рози пытался взять приступом прибывший со всеми полномочиями от фирмы «Маккормик» представитель американского агентства «Интернэшнл Менеджмент», который уже успешно вербовал известного игрока в гольф Арнольда Пальмера, автогонщика Джека Стюарта и даже самого Жана-Клода Килли.

Первая встреча без свидетелей не дала результатов. Было ясно, что Рози не хочет терять титул любителя и решила серьезно обдумать предложение.

Но здесь уже началась настоящая охота на королеву, гонцы различных фирм следовали неотступно при ее последующих турне по Америке и Канаде. Пресса перешла от восхвалений к тактике полезных советов — «уход в профи», «выгодное замужество», «начало прибыльного дела». Рози Миттермайер настойчиво толкали в ловко расставленные сети.

И вот западня захлопнулась! Недавно в западногерманской прессе прошло короткое сообщение: Рози Миттермайер подписала договор с фирмой «Маккормик». Последнюю точку в этой истории поставили ненайденные ответы на острые жизненные вопросы: «А что будет со мной завтра, когда я сойду с лыжни?», «Кто создаст мне условия, чтобы получить более высокое образование?», «Где взять средства, если появится семья и придется покинуть отчий кров?»

Сегодня Рози Миттермайер в самом расцвете спортивного таланта. Она еще не раз будет появляться на снежных трассах, но вряд ли теперь каждое ее выступление будет праздником для самой себя и высшим наслаждением, освященным духом бескорыстного соперничества, для миллионов почитателей большого спорта. Теперь это бизнес. Теперь это даже не работа, а отработка авансов, выданных под улыбку и очарование прежней Рози Миттермайер.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 18/VIII 1976 г. Подп. к печ. 23/IX 1976 г. А14618. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1494.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Чем увлекаетесь вы, дорогой читатель, оперой, эстрадой, драмой, симфонической музыкой? Какими бы ни были ваши вкусы, в этом осеннем сезоне вас ждут приятные сюрпризы. К нам на гастроли приезжают талантливые артисты и прославленные ансамбли почти из 20 стран. Некоторые из них вам уже хорошо знакомы по концертам или телевизионным передачам. Это Рената Тебальди, Маргарета Гульельми (Италия), признанные одними из лучших певиц современности. Вы слышали, наверное, песни Чеслава Немена на стихи известных польских классических и современных поэтов, его называют «патриархом польской музыки «соул»; пианисты Анни Фишер и Джон Огдон давно стали любимцами нашей публики, что касается таких театральных трупп, как «Комише опер», и оркестров, как Нью-йоркский симфонический, то они в рекламе не нуждаются. Среди других исполнителей и коллективов в осенних афишах вы можете увидеть следующие имена.

Певцы: Борис Гуджунов (Болгария), Марио Генсоллен (Перу), Грейс Бамбри (США), Бруно Вентурини (Италия).

Виолончелисты: Эрки Раутио (Финляндия), Вальтер Дешпаль (Югославия).

Гитаристы: Марио Эскудеро (Испания), Ивао Судзуки (Япония).

Театральные труппы: из Бельгии, Румынии, Польши, Греции.

Оркестры: симфонический радио и телевидения Бухареста, эстрадный под управлением французского дирижера Поля Мориа.

Наконец, в традиционной эстрадной программе «Золотая осень» принимают участие артисты Болгарии, ГДР, Кубы, Италии, Румынии, Франции, ЧССР, Югославии. География гастролей зарубежных мастеров искусств в СССР самая широкая — от Львова до Хабаровска, от Мурманска до Душанбе.

З. МУРАТОВА,
главный музыкальный редактор
Отдела организации гастролей
зарубежных исполнителей
в СССР

Индекс 70781
Цена 20 коп.